ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 44 (3073) Суббота, 11 апреля 1953 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

На полях страны

Вышел сеятель в поле... Обычно с этим связывалась хрестоматийная картинка: крестьянин с лукошком через плечо разбрасывает по полю семена. Или—он же на тощей сивке, тащившей деревянную борону, заделывает зерно на своей полоске.

Все это навсегда ушло в прошлое. Совсем иная панорама весеннего сева открывается теперь взору советского человека.

Где бы ты сегодня ни побывал — на полях Ставрополья, Кубани, Дона, юга Украины,— всюду видишь бескрайнюю степь, где неумолчно, днем и ночью гудят тракторы. Вот движется мощный гусеничный трактор «Сталинец». Он тянет за собой пять-шесть сеялок, которые с каждым проходом засевают полосу шириной в двадцать с лишним метров, а за день — сто и больше гектаров. По степи стремительно мчатся автомашины; они бесперебойно доставляют посевное чистосортное зерно. Сколько человеческого труда, сколько времени сберегают нашему колхозному земледельцу мощные стальные кони!

И хотя весна нынче капризная, часто меняются погодные условия, труженики колхозной деревни успешно ведут сев. Они настойчиво борются за осуществление главной задачи в области сельского хозяйства, поставленной XIX съездом нашей партии,— повысить урожайность всех сельскохозяйственных культур. Об организованности, хорошем использовании богатой современной техники свидетельствует тот факт, что к 5 апреля 1953 года в целом по стране посеяно яровых на миллион с лишним гектаров больше, чем на ту же дату в прошлом году.

Нынешняя весна примечательна еще и тем, что на севе более широко, чем когда-либо, применяются прогрессивные методы труда, достижения мичуринской науки. Достаточно сказать, что свыше 17 миллионов гектаров колосовых будет посеяно перекрестным и узкорядным способом, а это даст дополнительный урожай в десятки миллионов пудов хлеба!

Значительно возросла механизация труда. 86 процентов сева зерновых будет проведено машинами. Среди трактористов развернулось соревнование за точное соблюдение графика полевых работ, за высокие темпы и отличное качество сева. Это приносит замечательные результаты: теперь уже не отдельные колхозы, а целые районы завершают сев ранних зерновых за каких-нибудь четыре-шесть дней.

Показательно и другое: в южных районах механизаторы и колхозники в едином содружестве берут нынче высокие обязательства: при любых погодных условиях вырастить урожай в 200 и даже 250 пудов с гектара. И теперь речь идет о богатых урожаях не на отдельных маленьких участках, а на больших массивах. Реальность этих планов — люди современной колхозной деревни, их возросшее мастерство, мощная техника, рост культуры социалистического земледелия.

Кубанская бескрайняя степь... Вот полевой стан бригады известного в стране механизатора, Героя Социалистического Труда Ивана Бунеева. Это — обширная благоустроенная усадьба, с кирпичным просторным светлым домом, с сараями для хранения машин, гаражом, нефтебазой, с передвижными заправочными тележками. Вся работа трактористов на севе построена по часовому графику, каждая минута на счету. А выиграть время — значит сохранить влагу, выиграть битву за обильный урожай. Бригада Бунеева, наперекор капризам природы, сумела раньше других посеять колосовые; после весеннего боронования и подкормки минеральными удобрениями прекрасно развиваются озимые хлеба. Поля покрыты изумрудным зеленым ковром.

Мастерство Ивана Бунеева, так же как и другого знатного механизатора Ивана Шацкого из Курганинского района, становится достоянием тысяч трактористов. Соревнование идет не только за то, чтобы вырастить хороший урожай, но и снизить себестоимость сельскохозяйственной продукции. Используя метод работы кубанских механизаторов, тракторист Николай Тарасенко из Кагальницкого совхоза, на Дону, агрегатом, состоящим из трактора «Сталинец-80» и пяти сеялок, ежедневно за смену засевал 180—200 гектаров при отличном качестве. Это новый, выдающийся показатель наиболее полного использования мощной техники.

Весенний сев еще не развернулся повсюду, а уже скольких героев посевной, мастеров своего дела узнала страна! Очень важно, чтобы их опыт, их ценные начинания нашли всеобщую поддержку, стали достоянием всех механизаторов. Долг местной печати и радио, агитколлективов на селе—поднимать на щит славы передовых людей, помогать отстающим и добиваться общего подъема, откликаться на все культурные запросы механизаторов и колхозников, работающих на полях.

Неоценима роль сельской интеллигенции в политической и культурной работе среди колхозников, занятых сейчас в поле, вдали от села. Агроном, врач, учитель, избач, заведующий клубом, библиотекарь призваны помогать партийным организациям, быть организаторами, душой культурных начинаний. Вся деятельность сельских очагов культуры должна быть перенесена в полеводческие и тракторные бригады, туда, где сегодня решается судьба высокого урожая.

Заслуженным уважением и авторитетом пользуется у населения Предтеченский сельский клуб Усманского района, Воронежской области. Теперь, когда механизаторы и значительная часть колхозников заняты на полевых работах, клуб перенес свою деятельность в полевые станы.

Велика в эти дни роль агитатора. Стоит рассказать об агитколлективе колхоза имени Буденного Березовского района на Одесщине. В нем — тридцать пять агитаторов, среди них учителя Архипова, Капустина, Шамбора, ветфельдшер Кисиль, агроном Демидюк и другие. Сельская интеллигенция тесно связана с колхозом, живет его интересами, под руководством партийной организации ведет большую политико-массовую работу в полевых станах и среди работников животноводческих ферм.

В дни сева агитаторы часто бывают в полеводческих и тракторных бригадах. Они разъясняют события в стране и за рубежом, пропагандируют опыт передовиков сева, выпускают стенную газету и «боевые листки».

Многое могут и должны сделать в дни сева сельские и колхозные библиотеки. Разве, скажем, нельзя для полевых станов выделить передвижные библиотечки? А книгоноши? Они призваны активно содействовать распространению политической, художественной и агротехнической литературы.

Сельская интеллигенция — большая культурная сила в колхозной деревне. Наша сельская интеллигенция помогает партии воспитывать колхозников в духе советского патриотизма, коммунистического отношения к труду, несет в массы знания и культуру. И ныне, в дни сева, сельская интеллигенция призвана активно содействовать труженикам полей в их борьбе за дальнейшее процветание сельского хозяйства.

Письмо Комиссии Конгресса народов в защиту мира правительствам пяти великих держав

ПАРИЖ, 9 апреля (ТАСС). Газета «Юманите» опубликовала сегодня под заголовком «Комиссия Конгресса народов в защиту мира обращается с письмом к правительствам пяти великих держав» следующее сообщение:

27 марта этого года Комиссия Конгресса народов в защиту мира направила письмо главам правительств пяти великих держав. 4 апреля письмо было также послано правительствам других держав. К тексту этих писем приложено Обращение к пяти великим державам, принятое Конгрессом народов в Вене.

Мы публикуем сегодня текст письма от 27 марта:

«Г-ну президенту Дуайту Эйзенхауэру, Белый Дом, Вашингтон, США.

Г-н президент,

нам было поручено выполнить решения Конгресса народов в защиту мира. Мы собрались в Вене 16 и 17 марта и решили, что принятое Конгрессом Обращение об открытии переговоров и заключении Пакта Мира будет направлено правительствам пяти великих держав.

Мы направляем Обращение Конгресса народов в защиту мира Вам, а также правительствам СССР, Китайской Народной Республики, Великобритании и Франции. В этом Обращении выражено всеобщее стремление к миру. Оно призывает пять великих держав не прибегать к запугиванию и к силе, разрешать свои противоречия путем переговоров, заключить Пакт Мира. Со времени Конгресса народов в защиту мира события еще более настоятельно, чем когда бы то ни было, повелевают искать мирных решений. Мы хотели бы получить ответ от Вашего правительства и узнать, принимает ли оно наше предложение и намерено ли оно дать ему ход.

Просим принять, г-н президент, заверения в нашем глубоком уважении.

От имени Комиссии, которой поручено выполнить решения Конгресса народов в защиту мира, касающиеся Обращения к правительствам пяти великих держав: д-р Иозеф Вирт, Пьетро Ненни, Фредерик Жолио-Кюри.

Следующие деятели приняли участие в работах Комиссии: Изабелла Блюм (Бельгия), генерал Буксбаум (Бразилия), Чэн Шен-ю (Китай), Пьер Кот (Франция), Илья Эренбург (СССР), пастор Эндикотт (Канада), Ив Фарж (Франция), Моника Фелтон (Великобритания), Дж. Фиггинс (Великобритания), пастор Форбекк (Норвегия), Ивашкевич (Польша), генерал Хара (Мексика), Фредерик Жолио-Кюри (Франция), Горо Хани (Япония), г-жа Сеза Набрави (Египет), Пьетро Ненни (Италия).

Китчлу (Индия), Мао Дунь и Ма Инь-чу (Китай), Джузеппе Нитти (Италия), Тихонов (СССР) не смогли принять участия в работе Комиссии и прислали ей послания, в которых заверяют, что они поддерживают решения Комиссии.

Комиссия поручила бывшему канцлеру Германии Вирту, Пьетро Ненни (Италия) и Фредерику Жолио-Кюри (Франция) от ее имени обеспечить реализацию предпринятых демаршей».

Аналогичные письма были направлены Председателю Совета Министров СССР Маленкову, Премьеру Государственного административного совета Китайской Народной Республики Чжоу Энь-лаю, премьер-министру Великобритании Уинстону Черчиллю, председателю совета министров Франции Рене Мейеру.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Обращение Конгресса народов в защиту мира к правительствам пяти великих держав

Необходимость отказа от применения силы, как средства урегулирования международных конфликтов, становится с каждым днем все настоятельнее.

Уже 600 млн. мужчин и женщин во всех странах с чувством полной ответственности за свои подписи поставили их под требованием о переговорах между пятью великими державами с целью заключения Пакта Мира.

Представители ряда значительных течений в общественном мнении также высказались за отказ от политики силы — в пользу политики переговоров. Выражая волю человечества, Конгресс народов в защиту мира, собравшийся 12 декабря 1952 года в Вене, торжественно приглашает правительства Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Китайской Народной Республики, Великобритании и Франции приступить к этим переговорам, от которых зависит сохранение мира.

Соглашение между пятью великими державами, заключение Пакта Мира положат конец международному напряжению и спасут мир от величайших бедствий.

Народы требуют этого.

ДЕЛО ВСЕНАРОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ

Об издании сочинений русских писателей-классиков

Нет в мире страны, где бы издание художественной литературы имело такой широкий размах, как в Советском Союзе.

Годовой тираж книг достиг у нас 800 миллионов экземпляров и увеличился по сравнению с 1940 годом в 1,8 раза. В директивах XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану выдвигается задача еще более значительного роста выпуска художественной и научной литературы.

Советский народ справедливо гордится тем, что в СССР впервые стали подлинно всенародным достоянием несметные идейно-художественные богатства, которые создала передовая русская литература. Все сделанное у нас в области подготовки и издания сочинений писателей-классиков неизмеримо выше и значительней того, что делалось в дореволюционной России и что делается ныне в буржуазных странах. Отмечая исторические успехи в этой области, партийная печать в то же время указывает, что в ряде случаев издание классической литературы отстает от постоянно растущих культурных потребностей миллионов советских читателей.

«Советский читатель хочет получить отличные издания произведений классиков и советских писателей,—писала «Правда» в передовой статье «За высокую идейность в работе издательств!» — Это обязывает составителей и редакторов издаваемых сочинений тщательно и бережно подходить к публикуемым текстам. К сожалению, руководители ряда издательств забывают о своей ответственности перед читателем. Подготовка литературных произведений к публикации нередко поручается людям некомпетентным и недобросовестным».

С рядом статей, критикующих издания сочинений Гоголя, Чехова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и других русских писателей, выступил журнал «Советская книга». В этих статьях приводились примеры недопустимого разнобоя в публикации текстов.

Обсуждение вопроса об издании классиков было проведено в минувшем году и на страницах «Литературной газеты».* В опубликованных статьях отмечались недостатки в подготовке текстов полных собраний сочинений Гоголя, Герцена, Некрасова, Чехова, Глеба Успенского, сборников произведений Демьяна Бедного, подчеркивалась необходимость общих, единых принципов в организации всей текстологической работы, обсуждались разные типы изданий классиков.

Вопросы, поставленные в ходе обсуждения, требуют вдумчивого и тщательного научного исследования. Их нельзя исчерпать одной или несколькими статьями. Подводить итоги еще рано. Вместе с тем можно и должно выделить из круга поставленных проблем некоторые, особенно важные и неотложные.

ТЕКСТОЛОГИЯ — ЭТО НАУКА

Издать то или иное классическое произведение — не значит спокойно, не мудрствуя лукаво, перепечатать его с последнего издания.

Начиная подготовку произведения к публикации, текстолог должен из большого количества рукописных и печатных вариантов выбрать самый достоверный, соответствующий авторской воле. Как правило, таким подлинным авторским текстом считается текст последнего прижизненного издания. Но это не значит, что он должен воспроизводиться механически. В последнем издании могут иметь место изъятия и искажения, сделанные царской цензурой, которая, как известно, уродовала лучшие творения русских писателей, проникнутые демократическими, освободительными идеями. Подлинный авторский текст восстанавливается путем тщательной сверки последнего прижизненного издания со всеми предыдущими изданиями, со всеми сохранившимися рукописями, авторизованными копиями и списками. Каждая поправка должна быть строго и убедительно обоснована.

Советской текстологии чужд формальный, механический подход к текстам. Наши лучшие текстологи овладели умением не только расшифровывать неразборчивые рукописи, но и восстанавливать самый процесс создания того или иного произведения, процесс воплощения творческого замысла. Советская текстология решительно противостоит всякого рода субъективистским попыткам нарушать волю автора, привносить в рукопись что-нибудь от себя.

Между тем многочисленные случаи публикаций одних и тех же произведений в самых различных вариантах свидетельствуют о том, что важнейший принцип советской текстологии — неприкосновенность авторской воли — часто грубо попирался.

Иногда это объясняется недостаточной квалификацией, а в некоторых случаях недобросовестностью отдельных лиц, взявшихся за подготовку издания.

Дело, однако, не только в этом, а и в том, что среди некоторых профессиональных текстологов, еще бытуют неверные, ненаучные взгляды.

Иные текстологи «редактируют» произведения писателя так, что из редакторов незаметно превращаются чуть ли не в соавторов. Существует своего рода «теория» о том, что художественный текст якобы по самой природе своей стабильным быть не может, что любой «беловик» — это, мол, все равно «черновик», авторская воля — это нечто «условное», «изменчивое», недостоверное. Из того факта, что издание текстов требует тщательной научной подготовки, некоторые специалисты стали делать в корне неверный вывод, будто бы никаких окончательных, канонических текстов вообще быть не может, что не писатель, а редактор придает произведению художественную законченность.

Нарушение принципа неприкосновенности авторской воли приводит на практике к тому, что каждое новое издание оказывается новым текстологическим вариантом с новыми ошибками и редакторскими «новациями». Сложилась даже поговорка: сколько текстологов, столько и текстов. Впрочем, иногда даже один и тот же текстолог выпускает произведение в разных вариантах.

Положение осложняется тем, что до сих пор нет ни одного действительно научного пособия, которое опиралось бы на богатый опыт работы наших ученых и формулировало бы основные принципы советской текстологии. Имеющиеся работы в этой области вышли около четверти века тому назад и явно устарели.

«Приступая к изучению литературного памятника,— читаем мы в книге Г. О. Винокура «Критика поэтического текста» (1927),—критик видит кругом себя лишь груду обломков, из которых он воссоздает художественное целое на основе конкретного истолкования каждого мельчайшего разночтения и критического сопоставления всех доступных ему источников».

Следует отметить, что впоследствии сам автор от этих неверных взглядов отказался и в специальном курсе по текстологии, прочитанном в Московском университете в 1945 году, проводил уже другую точку зрения. Однако на ошибочность этой работы необходимо указать потому, что с того времени новые пособия почти не выходили. Очерк текстологии Б. Томашевского «Писатель и книга» (1928) нуждается в серьезной переоценке.

Получается довольно странное положение: текстология — это наука, но ни одного серьезного научного пособия по текстологии нет.

Тяжело сказывается на состоянии текстологической работы и отсутствие какого бы то ни было притока молодых кадров.

Не только на литературных факультетах педагогических вузов, но даже в Московском и Ленинградском университетах подготовка текстологов никак не специализирована. Нет такой специализации и в аспирантуре, даже в Институте русской литературы (Пушкинском доме). В Институте мировой литературы Академии наук СССР создан сектор текстологии. Но сектор только начинает работу и подготовкой новых специалистов-текстологов не занимается.

Представим себе теперь положение молодого человека, который решил посвятить свою работу именно этой области науки. Во-первых, он не сможет найти ни одного пособия, учебника, ни одного печатного курса лекций. Во-вторых, он не найдет научного учреждения, которое готовило бы новые кадры текстологов.

Необходимо покончить с недооценкой текстологии как науки. Необходимо ввести единую инструкцию, устанавливающую основные обязательные принципы научной подготовки художественных произведений к изданию. Эта работа должна поручаться только квалифицированным и добросовестным людям, действующим на основании единой инструкции. Академии наук следует принять самые неотложные меры для того, чтобы наладить подготовку новых кадров и выпустить действительно научное пособие по текстологии.

О МАССОВЫХ ИЗДАНИЯХ

Текст художественного произведения писателя-классика должен быть стабильным, единым, независимо от того, где это произведение публикуется,— в Москве или на периферии. Однако типы массовых изданий классиков, состав этих изданий могут быть различными.

Это, во-первых, издания отдельных художественных произведений, во-вторых, избранные произведения в одном или нескольких томах, в-третьих, рассчитанные на массового читателя собрания сочинений.

Массовое издание отличается не только тем, что оно издается многотысячным тиражом, но и тем, что издательство должно отобрать наиболее значительные в идейно-художественном отношении произведения.

На совещании в Государственном издательстве в 1928 году А. М. Горький говорил:

«Мне кажется, что одно из важнейших условий при издании классиков заключается в том, что выбираемые писатели и книги должны быть таковы, чтобы всякий, прочитавший эту книгу, понял сразу в чем дело, хотя бы это был не очень грамотный человек». А. М. Горький подчеркнул, что «Госиздат не является простым коммерческим предприятием, а является воспитательным предприятием». Он предлагал издаваемые книги «хорошо вооружить» предисловиями.

Напомним, что в декрете ЦИК о Государственном издательстве, принятом в декабре 1917 года и провозгласившем произведения русской классической литературы народным достоянием, говорилось о массовых изданиях: «Как все собрания, так и отдельные, особенно значительные сочинения должны сопровождаться предисловиями авторитетных критиков, историков литературы и т. д.»

Однако, если мы обратимся к избранным сочинениям русских писателей, выпущенным за последнее пятилетие Гослитиздатом, мы убедимся, что это требование часто не выполняется. Без вступительных статей вышли в Гослитиздате трехтомные собрания сочинений В. Г. Белинского (1948), Н. А. Добролюбова (1950—1952), А. П. Чехова (1950), Л. Н. Толстого (1950—1951), А. М. Горького (1951), избранные сочинения в одном томе И. А. Гончарова (1949), Н. А. Добролюбова (1948). Без вступительной статьи, но с автобиографией вышли двухтомные собрания сочинений видных советских поэтов А. Т. Твардовского (1951) и М. В. Исаковского (1951), а в двухтомном издании произведений С. Я. Маршака (1952) нет и автобиографии. Еще хуже обстоит дело в областных издательствах.

Серьезные критические замечания вызывают многие вступительные статьи. Одним из самых распространенных недостатков этих статей, как это уже отмечалось в печати, является неумение раскрыть творческий облик писателя, его художественное своеобразие. Круг авторов, пишущих предисловия к массовым изданиям классиков, крайне узок. Часто к писателю надолго «прикрепляют» одного специалиста, который публикует из года в год в разных изданиях один и тот же вступительный очерк, лишь слегка его изменяя.

Большой разнобой царит и в оформлении книг. Достаточно поставить в один ряд однотомники, двухтомники и трехтомники, выпущенные Гослитиздатом за последние годы, чтобы увидеть, насколько разнотипны они по формату, по внешнему виду.

Наиболее удачным примером собрания сочинений массового типа может служить тридцатитомное собрание сочинений М. Горького, рассчитанное на самые широкие круги советских читателей и выходящее тиражом в 300 тысяч экземпляров. В работе над этим изданием достигнуто деловое сотрудничество между Институтом Академии наук СССР и издательством. Работникам Гослитиздата не приходилось подменять текстологов: издательство получило проверенный окончательный текст произведений писателя. Новое собрание сочинений М. Горького имеет огромную политическую, культурную и художественную ценность.

Другой пример массового издания — четырнадцатитомное собрание сочинений Л. Толстого. Сюда вошли законченные художественные произведения, а из незаконченных включены только те, которые представляют наибольший художественный и историко-литературный интерес.

Массовое собрание сочинений не преследует цели абсолютной полноты. Нельзя загромождать его многочисленными черновыми вариантами, деловыми письмами, не имеющими эстетической ценности, длинными описаниями рукописей и непомерно разросшимися комментариями.

Но не следует исключать из такого издания отдельные художественные произведения только на том основании, что сам автор невысоко о них отзывался или даже предполагал не печатать. Неприкосновенная в вопросах художественного текста воля автора может быть иногда и нарушена при определении состава издания, если речь идет о художественных произведениях, нужных, интересных читателю. Известно, например, что Чехов очень скромно оценивал свое творчество, а о некоторых своих произведениях, завоевавших любовь народа, отзывался весьма сдержанно или просто отрицательно. Но разве правильно было бы использовать это искреннее проявление чеховской скромности как аргумент против печатания тех или иных произведений писателя? Конечно, нет.

В нынешнем году Гослитиздат приступает к подготовке собраний сочинений В. Короленко (в десяти томах), Д. Мамина-Сибиряка (в восьми томах), И. Тургенева (в двенадцати томах). Необходимо широко обсудить состав этих изданий, обеспечить научную подготовку текстов и установить строгие, сжатые сроки выхода в свет каждого тома.

Кроме массовых собраний сочинений, Государственным издательством художественной литературы выпускаются полные собрания сочинений. Закончено двадцатитомное издание произведений и писем А. П. Чехова, вышел в свет последний, двенадцатый том полного собрания сочинений и писем Н. А. Некрасова, продолжает выходить юбилейное полное собрание сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах. В печати отмечалось, что издания А. П. Чехова и Н. А. Некрасова не удовлетворяют требованиям, предъявляемым к академическим собраниям сочинений, а, с другой стороны, включают в себя материалы, необязательные и ненужные для массового издания.

Однако реальное положение с изданием академических полных собраний сочинений таково, что Гослитиздат вынужден подменять собою те научные учреждения, которые призваны заниматься этими изданиями.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПОЛНЫЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

Выпуск в свет академических полных собраний сочинений русских писателей-классиков является важнейшим государственным делом. Именно это издание и призвано дать единые авторитетные, проверенные и стабильные тексты для воспроизведения их массовыми тиражами в различных издательствах. Именно это издание должно явиться основой для изучения творчества писателя, ибо не может быть действительно научного исследования, не опирающегося на полно представленный и тщательно выверенный материал.

За это важнейшее дело отвечают Академия наук СССР, ее Отделение литературы и языка, ее научно-исследовательские учреждения — Институт мировой литературы имени А. М. Горького в Москве и Институт литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде.

Следует отметить, что это дело осуществляется еще неудовлетворительно. Академия полностью подготовила и выпустила только одно академическое полное собрание сочинений — шестнадцатитомное издание произведений А. С. Пушкина, законченное в 1949 году. Это издание по своему научному уровню несравненно выше всего, что издавала Академия наук в дореволюционные годы, неизмеримо выше любого зарубежного издания. Оно может быть названо во многих отношениях образцовым, хотя отдельные, частные его недостатки отмечались в печати.

К сожалению, это издание — единственное пока собрание сочинений, которое советский читатель увидел действительно полным, потому что все остальные издания, выпускаемые Академией наук, полными могут называться только в проекте — пока вышли в свет лишь разрозненные тома.

В 1948 году Академия наук приступила к изданию полного собрания сочинений В. Г. Белинского, поручив это дело Институту литературы. До сих пор не вышло в свет ни одного тома.

С 1940 года тянется издание четырнадцатитомного собрания сочинений Глеба Успенского.

Институт мировой литературы приступил к подготовке тридцатитомного собрания сочинений А. И. Герцена. Когда оно будет закончено, точно не установлено. Но даже по самым оптимистическим подсчетам, это будет не ранее чем через 8—10 лет.

Итак, первое, что следует отметить, говоря о работе Академии наук в области издания русских классиков, — это пренебрежение к интересам читателя и отсутствие плана работы, приводящее к тому, что издание растягивается на долгие годы.

Все, что делается в нашей стране, делается в строго установленные планом сроки. Об этом забыли руководители институтов Академии наук. Ясно, что при издании полного собрания сочинений не должно быть спешки. Но не должно быть и академической медлительности, равнодушия к живым, растущим запросам народа. Нельзя мириться с тем, что академическое издание растягивается на десятилетия.

Можно подумать, что, ведя работу над изданиями так неторопливо, Академия наук выпускает тома сочинений с научно подготовленными, выверенными, авторитетными художественными текстами, которые любое издательство может использовать для перепечатывания. Но и это не так.

В «Литературной газете» и в журнале «Советская книга» говорилось о том, что в ряде изданий, вышедших под маркой Академии наук, грубо нарушены важные принципы советской текстологии. Так, редакторы академического собрания сочинений Н. В. Гоголя позволяли себе самовольно «улучшать» тексты великого художника слова, вставлять в окончательный, отделанный автором текст куски из необработанных черновых вариантов. Уважение к воле автора не было в должной мере проявлено и при редактировании собрания сочинений Глеба Успенского. Таким образом, ни темпы, ни уровень работы Академии наук не выдерживают критики.

Сейчас классики издаются в зависимости от наличных сил Отделения литературы и языка Академии наук и ее институтов, в зависимости от стиля работы, который там установился. А нужно, чтобы стиль и размах работы, количество научных сил, занимающихся изданием классиков, определялись теми задачами, которые стоят перед Академией наук, теми требованиями, которые предъявляет многомиллионный читатель. Нельзя больше терпеть, чтобы классики издавались «по мере возможности». Должен быть установлен строгий государственный план изданий на 15—20 лет. Для того, чтобы выполнять в соответствующие сроки этот план, должна быть перестроена вся система работы отделения и институтов Академии наук. Потребуется пересмотр издательских планов, потребуются новые кадры.

Надо принять меры к тому, чтобы начать систематическую подготовку новых специалистов по текстологии в научно-исследовательских институтах и университетах.

Академия наук должна взять на себя выпуск в свет научных пособий и учебника по текстологии.

Следует покончить со всем, что мешает изданию классиков русской литературы, что тормозит развитие этого большого дела.

* См. статьи Ал. Слонимского «О редакторском произволе (по поводу академического издания Н. В. Гоголя)» — № 5, Вас. Куриленкова «Прихоть редакторов и своеволие составителей» (об издании сочинений Д. Бедного) — № 17, Д. Благого, Г. Макогоненко, Б. Мейлаха «За образцовое издание классиков» — № 85, И. Зильберштейна «Издание классиков — дело всенародного значения» — № 98, Корнея Чуковского «Заметки текстолога» — № 104, Вл. Бартенева «Новое издание сочинений Дмитрия Фурманова» — № 105, В. Путинцева «О научном издании Герцена» — № 109, В. Григоренко «Еще раз об издании классиков» — № 140, В. Друзина, В. Морозовой «О принципах издания собрания сочинений Глеба Успенского» — № 148 и обзор читательских писем «За образцовое издание классиков» — № 131.

Читатель продолжает разговор

Недоделки вокзалов и удобства пассажиров

Тов. Н. Геминов в статье «Об одном неизжитом конфликте» («Литературная газета», № 145 за 1952 год) затронул важные вопросы, с которыми и мне, железнодорожному санитарному врачу, приходится сталкиваться довольно часто.

На нашей Львовской дороге за последние годы выстроено 25 новых вокзалов. Сотни тысяч пассажиров видели, конечно, вокзал-дворец во Львове, бывали и на прекрасных вокзалах в Чопе, Мукачево, Стрые. Одна беда: все эти вокзалы строители сдали в эксплуатацию с недоделками.

Львовский вокзал в свое время умудрились сдать без необходимой вентиляции. В прошлом году при приемке новых вокзалов в Тернополе и Стрые все оконные форточки и фрамуги оказались закрепленными наглухо. Дело в том, оправдывались строители, что нет фрамужных раздвижек — некому было изготовить это примитивное устройство, состоящее из трех полосок железа и нескольких шарниров!

Нам, санитарным врачам, доказывают: «Позвольте, на строительство вокзала затрачены миллионы рублей, а вы возражаете против приемки из-за каких-то грошевых раздвижек, ведь это же нелогично!..» Действительно, где уж тут говорить о логике, когда тысячи пассажиров из-за нескольких сот рублей (вернее, из-за безответственности некоторых строителей) дышат воздухом непровстриваемых помещений, а прекрасное дорогостоящее сооружение вовсе «не дышит» и поэтому раньше срока придет в негодность.

Дальше дело происходит так: государственная комиссия вносит в акт недоделки, назначает срок для их исправления и... разрешает условную приемку. Но время идет, сроки проходят, устранение «мелочей», вроде фрамужных раздвижек, откладывается на неопределенное время.

Спрашивается, зачем нужны были многочисленные приемочные комиссии, по нескольку раз выезжавшие в Стрый или Тернополь и откладывавшие ввод в эксплуатацию новых вокзалов, если строители, неоднократно срывавшие все сроки ликвидации недоделок, так и не выполнили до конца требования комиссий? В пылу спора — принимать или не принимать? — один квалифицированный инженер на мои возражения ответил даже так: «Вы рассуждаете не как гражданин, а как санитарный врач(?!)».

Но ведь условная приемка как раз и противоречит интересам советских граждан!

В результате из-за таких пропущенных при сдаче в эксплуатацию «мелочей» этой зимой в Тернопольском вокзале вышло из строя отопление. В том же Тернополе и во Львове пассажиры не могут пообедать на вокзалах — не изготовлены лифты для ресторанных кухонь.

Кто же виноват? По-моему, не только тот, кто сдает, но и тот, кто принимает. Начальник отдела капитального строительства Львовской железной дороги тов. Новиков «мелочами» заблаговременно не интересуется, он плохо контролирует строителей, нетребователен к начальнику дорстройтреста тов. Клюшникову. В свою очередь, заместитель начальника дороги тов. Окрушко удивительно мягок и податлив в отношении строителей, когда ему, как говорится, до зарезу нужно сдать затянувшиеся стройки. А начальник пассажирской службы тов. Лейков безропотно принимает во владение, по существу, незаконченные здания.

За последнее время железнодорожники сделали многое для улучшения обслуживания пассажиров. Но ограничиваться этим нельзя. Всем нам — и строителям, и эксплуатационникам — надо прежде всего думать о людях, для которых мы работаем, о том, чтобы создать им на железнодорожном транспорте максимум удобств.

П. РАЗУМЕЕВ,
начальник санитарного отдела врачебно-санитарной службы Львовской железной дороги

г. ЛЬВОВ

◇ ◇

Немаловажные детали общественного питания

В «Литературной газете» уже говорилось о том, что во многих наших предприятиях общественного питания очень неуютно, что в некоторых столовых и ресторанах нет хорошей посуды, скатертей, добротной стандартной мебели.

Я хочу рассказать о том, почему еще случается, что, заглянув в иную столовую или кафе, посетитель дальше порога не пойдет — так «неаппетитно» выглядит сервировка столов в обеденном зале. При этом недостаточно опрятными и уютными оказываются не только старые столовые и чайные где-нибудь в далеком городке или районном центре, но и вновь построенные предприятия общественного питания.

Уже много лет Главфарфорофаянс Министерства местной промышленности РСФСР и его заводы (Дулевский, где директором тов. Катинский, и Дмитровский, где директором тов. Грецов) никак не могут наладить производство красивой высококачественной посуды для предприятий общественного питания. Вопрос о качестве продукции этих заводов не раз обсуждался в министерстве. Министр тов. Попович и его заместитель тов. Бойцов только в 1952 году издали десятки приказов и распоряжений, послали не одну категорическую телеграмму директорам заводов. Однако, несмотря на все решения о «перестройке работы», «коренном улучшении работы», «увеличении ассортимента» и т. д., план, предусматривавший обеспечение добротной посудой предприятий общественного питания, был сорван.

На Каланчевской площади в строящемся высотном здании гостиницы будут открыты кафе и ресторан. Для них еще осенью прошлого года заказана Главфарфорофаянсу посуда, однако до сих пор никто практически не принимался за выполнение заказа.

Не лучше относятся к нуждам общественного питания и работники цветной металлургии. Принадлежащий этой отрасли хозяйства завод имени Дзержинского выпускает крайне мало необходимой нам мельхиоровой посуды. А ведь кто не знает, как такая посуда украшает стол!

И последнее: необходимо одеть в специальную форму обслуживающий персонал предприятий общественного питания. Давно уже собираются сделать это, но из-за того, что руководящие органы легкой промышленности и торговли не могут договориться между собой, из какого материала надо шить такую форму, официанты даже в столичных кафе и ресторанах одеты в пестрые, разношерстные костюмы.

Вновь созданному Центральному управлению общественного питания Министерства внутренней и внешней торговли СССР следует решить вопрос об оснащении наших предприятий необходимой фирменной посудой, мебелью, спецодеждой для обслуживающего персонала.

А. ЗАРЕЦКИЙ,
директор базы Главресторана

МОСКВА

ТАК СТРОИТСЯ ВЫСОТНОЕ ЗДАНИЕ

◇

Инженер **Н. КУЛЕШОВ**

◇

На Дорогомиловской набережной, в стороне от шумных московских магистралей, сооружается 34-этажное здание — самая большая в Европе гостиница. Тысяча удобных номеров, зимние сады, террасы на плоских крышах верхних этажей, просторные вестибюли и залы будут к услугам гостей столицы. На строительстве дома во всеоружии представлена наша отечественная техника.

Советские строители научились возводить здания в любое время года и при любой погоде. Три года назад тот же коллектив, который сейчас сооружает гостиницу на Дорогомиловской набережной, возводил первое высотное здание Москвы на Смоленской площади. Тогда на этажах соорудили зимой из брезента и фанеры шатры-тепляки, внутри которых для отопления установили калориферы, чтобы вести под этими шатрами работы. Ведь никто и никогда в мире не клал зимой керамические блоки весом до 80 килограммов каждый на открытом воздухе.

Во вторую зиму строительства высотного здания на Смоленской технические руководители решили попробовать уложить в стены керамические блоки на открытом воздухе методом замораживания. Кое-кто остерегал их: не получится, оскандалитесь... Но когда наступили теплые дни, оказалось: кладка устойчива, монолитность стены не нарушилась.

Именно этот новаторский метод и получил широкое распространение на строительстве высотной гостиницы. Все каменные работы зимой велись только способом замораживания. А стены росли, да еще как росли! В каждые несколько дней — этаж.

Разумеется, строители высотной гостиницы теперь в ином положении, нежели три года назад, когда они сооружали дом на Смоленской площади. Теперь у них есть и собственный опыт и опыт других высотных строек. Каждая высотная стройка — это еще один шаг вперед на пути развития передовой советской строительной техники.

Растут этажи высотного здания, вместе с ними растут и его строители — творцы новой техники, новых методов труда. Знаменательно, что многие строители высотного дома на Смоленской, которые были там рядовыми рабочими, на новой стройке работают мастерами, бригадирами, инструкторами стахановских методов труда.

Опыт высотного строительства подсказывает, что завтрашний день должен принести еще более широкое применение комплексной механизации, полную индустриализацию всех строительно-монтажных процессов, максимальную «сборность».

В ближайшие месяцы войдут в строй два гиганта заводского домостроения — Московский и Люберецкий заводы железобетонных изделий. Они будут изготовлять готовые детали для сооружения домов — колонны, прогоны, панели стен и междуэтажных перекрытий, лестничные марши, архитектурные детали. А это позволит не строить, а собирать, именно **собирать** жилые многоэтажные здания.

Строительство домов — на поток! Строить дом так, как на заводе собирают машину. Минимум ручного труда. Рабочий стройки — это монтажник, оператор, механизатор!

Так у нас кое-где строят уже сегодня. А завтра во многих городах нашей страны из сборных элементов будут монтировать здания так, как сегодня из них монтируют здание высотной гостиницы.

На этой строительной площадке нет, конечно, ни бетономешалок, ни бетонного завода. Автосамосвалы привозят бетон из производственной и складской базы высотной стройки, которая расположена в Очакове. Когда падала ртуть термометра, бетон не замерзал в пути, а даже становился теплее: его обогревали подведенные к кузову отходящие газы автомобильного двигателя.

Вместо того, чтобы сооружать на высоте деревянную опалубку для бетона, поднимать на высоту арматуру, бетон, налаживать электропрогрев, железобетонные панели для междуэтажных перекрытий площадью до 25 квадратных метров и весом до пяти тонн каждая изготавливались во дворе стройки. Еще лучше было бы привозить панели откуда-нибудь с завода, но таких заводов тогда не было, они только проектировались. Панели были подняты наверх мощными кранами и уложены на место. Они разделили здание на 34 этажа. А потом на гладкое и большое поле бетонных перекрытий подняли электрокары, и они, разъезжая из конца в конец, доставляли от подъемников к рабочим местам различные материалы.

Конструкторы здания применили на боковых 12-этажных жилых корпусах не только сборные железобетонные перекрытия, но и колонны и поперечные балки. Эти детали здания также изготовляются во дворе стройки, как здесь говорят, на «полигоне», и затем с помощью кранов устанавливаются на место. Таким образом, почти все здание, кроме стен и полов, **собирается** из готовых деталей.

Монтаж стального каркаса здания, монтаж панелей перекрытий, колонн и балок, монтаж изготовленных на заводах приборов и труб отопления, газа, воды, вентиляции, электрических устройств, лифтов, дверей, окон, шкафов — все это и есть «сборность», осуществляемая уже сегодня на строительстве высотной гостиницы.

Правда, пока далеко не все строительные процессы включены в этот поток. По старинке, вручную укладываются паркетные полы, по старинке, вручную работают мраморщики и гранитчики, многое еще надо сделать, чтобы полностью освободиться от ручного труда в штукатурных и кровельных работах. Вот над чем нужно подумать, вот где простор для творчества новаторов науки и производства.

...Подъемом грузов на этажи занят огромный парк механизмов высотной стройки. Тысячу, а то и больше тонн надо доставить в сутки к рабочим местам каменщиков, облицовщиков, монтажников. Кирпич и детали машин для лифтов, трубы и электрические подстанции, раствор, блоки,— да мало ли чего еще требует организм стройки! Все, что надо, давай наверх! Давай без промедления. На высотных стройках механизация вертикального транспорта организована по-новому. Появились «ползучие» краны для монтажа стальных каркасов. Такой кран несравненно эффективнее американских «дерриков». Подняв все грузы до определенной отметки, «ползучий» кран, опираясь на свои «лапы», сам поднимается на следующий ярус, чтобы продолжать работу на новых отметках. Новостью являются и подъемники, действующие внутри строящихся зданий.

День за днем, не останавливаясь ни на минуту, механизмы отправляют поток грузов на этажи.

Цокольный этаж стройки напоминает огромный заводской цех. В широкие ворота въезжает автомашина, нагруженная контейнерами кирпича. К машине подходит девушка в комбинезоне, в ее руках небольшая коробка — переносный кнопочный щиток управления подъемным механизмом, так называемым тельфером. Раньше тельферы можно было встретить только в цехах заводов. Теперь они применены на стройке, и очень удачно. Девушка нажимает кнопку, и, повинуясь этому движению, сверху опускается крюк тельфера. Он подхватывает два контейнера—250 кирпичей — и по кран-балке — этой «воздушной колее» — легко и плавно несет груз вперед...

Девушка идет следом за грузом и следующим нажимом кнопки заставляет контейнеры опуститься на ленту рольгангов, которая подает груз на площадку подъемника. За этой операцией с возвышения, напоминающего капитанский мостик, внимательно следит оператор. Как только контейнер коснулся площадки подъемника, на пульте оператора зажигается красная лампочка. Подъемник отправляется вверх. На пульте мелькают световые глазки — 5, 10, 16, 27, 29... Это этажи, которые пробегает подъемник. Стоп! Сработала автоматика, остановив машину на нужном этаже. Из подъемника по рольгангу груз передается на площадку электрокара и через несколько секунд доставляется к рабочему месту. Тем временем подъемник уже вернулся на первый этаж. Цикл завершен.

Оператор подъемника Анна Костина и ее товарищи Нина Погожих и Саша Еремина вполне могли бы сидеть за пультами в белой одежде. Собственно, так они и делали летом.

Работа оператора за пультом требует напряжения. Подъемник должен действовать четко, давать как можно больше пробегов. Нина Погожих добилась 120 подъемов в смену. Она соревнуется со своими подругами. Девушки, начавшие три года назад трудовую жизнь на строительстве высотного дома на Смоленской площади в качестве разнорабочих, теперь хорошо овладели умными и сложными машинами.

Много на стройке различных механизмов, но, пожалуй, самым интересным является кран-лифт. Этот кран—новая техника пятой пятилетки. Хотя он поднимает грузы стрелой, кран-лифт не похож на обычные широко известные краны. Его особенность и в том, что он без помощи других механизмов вырастает вместе с сооружаемым зданием.

Когда кран установили возле строящегося бокового корпуса здания, его высота была 16 метров. Росли этажи, и высота крана достигла 48 метров. Пройдет немного времени, придется подавать грузы на перекрытие верхнего этажа, и высота крана увеличится до 60 метров. Это достигается путем наращивания заранее изготовленных секций башни. Установка шестиметровой секции занимает всего несколько часов. Кроме того, как это явствует из названия, работая, как кран, он в то же время служит лифтом.

Башню крана конструкторы использовали как шахту для движения каретки-лифта. Механизм выдает груз в оконный, дверной или специально оставленный для груза проем. Так груз попадает внутрь здания.

Такова новая замечательная техника, которую страна щедро предоставила строителям высотных зданий, таковы некоторые из методов, применяемые на этой высотной стройке.

Осуществление нового десятилетнего плана реконструкции советской столицы решают наша новая замечательная техника и овладевшие ею люди — высотники, рабочие новых индустриальных строительных профессий.

НА СНИМКЕ: **строительство высотной гостиницы на Дорогомиловской набережной в Москве, сооружаемой по проекту действительного члена Академии архитектуры СССР А. Мордвинова.**

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ИНСТИТУТ «В СЕБЕ»

Под таким заголовком в № 5 «Литературной газеты» была напечатана статья Т. Джатиева. В своем письме директор Всесоюзного научно-исследовательского института гибридизации и акклиматизации животных «Аскания-Нова» Н. Балашов сообщает, что статья обсуждена на заседании ученого совета института. Критика, направленная в адрес института, признана правильной.

Ученый совет отмечает, что институт недостаточно настойчиво внедряет научные достижения в сельскохозяйственное производство, слабо связан с колхозами и совхозами, в том числе с колхозами и совхозами Новотроицкого района, Херсонской области, на территории которого находится институт. Научные работники института допускали серьезные ошибки в работе по улучшению породных качеств украинских степных белых свиней и в разработке методов борьбы с бруцеллезом крупного рогатого скота и овец.

Неудовлетворительно обстоит дело с изданием научных трудов института. До сих пор не изданы IV и V томы трудов института, крайне мало издается брошюр и листовок, освещающих передовой опыт и научные достижения, недостаточно читается лекций и докладов по специальным вопросам в колхозах и совхозах.

Признав правильной критику недостатков и наметив меры для их исправления, ученый совет отметил также некоторые фактические неточности, допущенные в статье тов. Джатиева.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА В СВЕРДЛОВСКЕ»

Как сообщил редакции «Литературной газеты» ответственный секретарь Свердловского отделения ССП тов. С. Самсонов, общее собрание писателей г. Свердловска вместе с активом критиков, литературоведами вузов и журналистами города обсудило статью «Литературная критика в Свердловске» («Литературная газета» от 14 февраля 1953 г.).

Было отмечено, что в статье правильно указано на недостатки литературной критики в альманахе «Уральский современник» и в газете «Уральский рабочий». Собрание выработало ряд мер, направленных на улучшение этого важного участка работы писательской организации.

«СБЕРКАССА № 171»

Так называлась статья П. Мартынова, заведующего сберегательной кассой № 171 города Жданова, опубликованная в «Литературной газете» № 143 за 1952 год. В статье на конкретных примерах показывался рост благосостояния населения и денежных сбережений, помещаемых трудящимися в сберегательные кассы.

В отклике из Министерства финансов СССР, поступившем в редакцию в связи с этим выступлением, говорится: «Статья вызвала большой общественный интерес. По имеющимся в Министерстве финансов СССР данным, на местах были проведены совещания работников сберегательных касс. Обсуждая вопросы, поставленные в статье, критически рассматривая свою работу, участники совещаний наметили ряд конкретных мер по улучшению деятельности сберегательных касс».

«КЛАД ОЗЕРА НЕРО»

В статье, опубликованной под таким заглавием в № 97 «Литературной газеты» за 1952 год, критиковалось Ярославское областное управление сельского хозяйства и Главное управление водного хозяйства Министерства сельского хозяйства РСФСР за слабое развертывание работ по осушению и освоению заболоченной котловины озера Неро.

Как сообщил редакции начальник Ярославского областного управления сельского хозяйства тов. П. Смирнов, в статье правильно вскрывались недостатки в составлении проектного задания по осушению котловины озера Неро. Управление приняло меры, чтобы улучшить работу проектной конторы. В результате этого полевые изыскания в основном закончены. В план Ростовской луго-мелиоративной станции на 1953 год включена добыча сапропеля из озера Неро для удобрения колхозных полей.

«МЕЩЕРА ЖДЕТ!»

«Литературная газета» (№ 99 за 1952 год) в статье «Мещера ждет!» писала о существенных недостатках в освоении поймы реки Оки и Мещерской низменности. В статье были подвергнуты критике министерства, выпускающие луго-мелиоративные машины, а также Рязанский облисполком и Рязанский сельскохозяйственный институт имени Костычева за слабую помощь изыскательным и проектным организациям, занятым изучением Мещеры.

Редакция получила ряд откликов. Министерства, поставляющие луго-мелиоративные машины, считают правильной критику недостаточного выпуска болотных фрез, кусторезов и других мелиоративных машин.

Получено также письмо председателя Рязанского облисполкома тов. П. Сметанина. Признавая правильной критику, тов. Сметанин сообщает, что областной Совет депутатов трудящихся обязал Облплан и Областное управление сельского хозяйства разработать практические меры, которые обеспечили бы выполнение работ по преобразованию поймы Оки и Мещерской низменности в установленный срок. Облисполком предложил председателю Рязанского горисполкома обеспечить размещение проектной конторы в благоустроенных помещениях; директору сельскохозяйственного института имени Костычева предложено усилить научно-исследовательскую работу по изучению Мещерской низменности.

* * *

До сих пор не ответило на выступления газеты о проблемах озера Неро и Мещерской низменности только Главное управление водного хозяйства Министерства сельского хозяйства и заготовок РСФСР. Непонятное молчание!

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

Талантливый русский поэт-баснописец

«Видали-ли «Басни» Демьяна Бедного? Вышлю, если не видали»,— писал В. И. Ленин Горькому в 1913 году, вскоре после выхода в свет первого сборника талантливого русского поэта-баснописца, привлекая к нему внимание великого пролетарского писателя.

Вся творческая жизнь Демьяна Бедного была крепко связана с деятельностью партии, с работой партийной печати.

Первые его стихи, напечатанные в «Звезде», выражая протест против самодержавно-помещичьего строя, призывали к восстанию и предвещали революцию:

Средь суеты, средь пошлости вседневной
Я жду, когда, как приговор судьбы,
Как вешний гром — торжественный и гневный,
В возмездья час, в час роковой борьбы,
Над родиной истерзанной и бедной
Раскатится набата голос медный.

В первом номере «Правды» 5 мая (22 апреля) 1912 года было помещено стихотворение Д. Бедного, исполненное уверенности в новом подъеме революции.

В пробуждении сил народного возмущения поэзия Демьяна Бедного выполняла активную, боевую роль. За два года существования довоенной «Правды», в 1912—1914 гг., на ее страницах было напечатано свыше шестидесяти стихотворений Демьяна Бедного. Вспоминая о работе газеты, И. В. Сталин и В. М. Молотов называли поэта в числе ближайших сотрудников.

Особенно остро и злободневно звучала его сатира, облеченная в выразительную и сжатую басенную форму. Используя богатый опыт русских баснописцев — Сумарокова, Хемницера, Дмитриева и, в особенности, Крылова, Демьян Бедный насыщал свои басни боевыми революционными идеями. Простая разговорная речь, особое сдержанное лукавство, ядовитый намек, скрытый за иносказанием, но тем не менее отчетливый и понятный массам,— все это делало басни Демьяна Бедного чрезвычайно доходчивыми. Рабочий читатель хорошо понимал, о чем идет речь, когда в басне «Шпага и топор» читал язвительные и грозные строки:

А только, милая, все это до поры.
Дождемся мы конечной свалки.
Куются где-то топоры
Иной закалки.
Слышь? Топоры, не палки.

Не вызывал никаких сомнений истинный смысл басен «Свеча», «Паук, муха и пчела», «Ерши и вьюны», направленных против крохоборчества, соглашательства, меньшевистско-эсеровской болтовни.

А мне тебя не жаль. Польстившись на подарок,
Что заслужил, то получи:
Заместо сотенной свечи —
Копеечный огарок.

Цензура оказывалась бессильной перед неуловимым, но действенным оружием басни. Читатель понимал, что речь идет о Маклакове и Родзянко, но цензура не могла запретить поэту говорить про «любимца муз и граций» — «Маклация» или турецкого падишаха «Али-Родзя».

В повседневной работе над басней и эпиграммой, фельетоном и агитационным стихом оттачивалось и заострялось поэтическое мастерство Демьяна Бедного. Сознательно связав свое творчество с политической борьбой, поэт выступал с резкими обличительными фельетонами не только на политические, но и на литературные темы: против «литературной енеральши» Зинаиды Гиппиус, против метра «российского чахлого символизма» Андрея Белого. Гневно разоблачая декадентские теории «искусства для искусства», Демьян Бедный боролся за гражданскую поэзию, продолжал и развивал лучшие традиции передовой русской литературы и, в первую очередь, некрасовской «музы мести и печали»:

Мой твердый, четкий стих — мой подвиг ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой...

Талант Демьяна Бедного широко развернулся после Великого Октября, в тяжелые для Отечества годы гражданской войны, когда в красноармейском агитвагоне поэт кочевал по многочисленным фронтам в качестве агитатора.

Все средства боевой оперативной поэзии, все виды и жанры звонкой стихотворной речи использовал Д. Бедный, разя врагов молодой Советской республики, призывая трудовой народ на самоотверженную борьбу, на защиту Родины.

Многие стихи и песни Демьяна в эти годы широко распространились в народе, стали подлинным достоянием народных масс. Такие песни, как «Проводы», получили широкое устное распространение, стихи «О Митьке-бегунце и о его конце» превратились в фольклор.

К первым годам революции относится и работа Д. Бедного над крупными эпическими произведениями, такими, как поэма «Главная улица», наполненная громом нарастающей революционной грозы. Высокий пафос, напряженный драматизм борьбы выражаются здесь в эпическом образе народа, вышедшего на борьбу:

Гневно взметнув свои тысячи жилистых,
Черных, корявых, мозолистых рук,
Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурным порывом прорвав заколдованный
Каторжный круг,
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на улицу Новый Хозяин,
Вышел — и все изменилося вдруг:
Дрогнула, замерла улица Главная,
В смутно-тревожное впав забытье, —
Воля стальная, рабоче-державная
Властной угрозой сковала ее:
— Это — мое!!

В годы социалистического строительства поэзия Д. Бедного продолжала служить народу. Слова искренней любви и уважения находил Д. Бедный, возвеличивая рабочего и крестьянина, красноармейца и трудового интеллигента; градом убийственных острот, уничтожающих, неотразимых издевок осыпал он врагов нашей страны — международных лакеев капитала, беляков-эмигрантов, злобных обывателей и тунеядцев. Острое зрение, тонкое политическое чутье позволили Д. Бедному с подлинным сердечным волнением создать такие замечательные произведения, воспевающие сознательность трудового человека, как стихотворение «Тяга», которое И. В. Сталин в письме к поэту назвал «жемчужинкой».

Обладая счастливым даром говорить просто и задушевно, зная и любя характер трудового русского человека, великолепно проникая в тайны живописной русской разговорной речи и щедрого народного юмора, Д. Бедный достигал высокого лирического звучания своих стихов.

Как рассказывает Н. К. Крупская, В. И. Ленин, бережно взлелеявший поэтический дар поэта-правдиста Д. Бедного, любил и ценил его публицистическую лирику: «Последние месяцы жизни Ильича. По его указанию я читала ему беллетристику, к вечеру обычно... он любил слушать стихи, особенно Демьяна Бедного».

Воспевая достижения социалистического строительства, славя успехи культурного фронта, борясь за новый быт и новую психологию людей раскрепощенного труда, без устали работая во славу Родины, Д. Бедный, как высшую награду, воспринял полные отеческой заботы слова товарища Сталина:

«Это очень хорошо, что у Вас «радостное настроение». Философия «мировой скорби» не наша философия. Пусть скорбят отходящие и отживающие. Нашу философию довольно метко передал американец Уитман: «Мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил». Так-то, Демьян».

Ни одно событие государственной важности не миновало пристального взора поэта-агитатора, радовавшегося вместе с народом подъему благосостояния своей страны. Первый трактор на колхозной земле, свет лампочки Ильича в отдаленном селении, задувка новой домны, выпуск нового отечественного автомобиля, героический подвиг часового, задержавшего нарушителей на границе, трудовой рекорд шахтера, успешная плавка стали, вновь построенная школа и многое, многое другое, чем сильна и богата советская действительность, — вдохновляло поэта. Смело писал он и о темных явлениях действительности, о пережитках прошлого, обо всем, что мешало движению вперед. Здесь снова приходила ему на помощь злободневная, боевая сатира — острый фельетон, едкая, насмешливая басня.

По свидетельству Горького, В. И. Ленин «усиленно и неоднократно подчеркивал агитационное значение работы Демьяна Бедного», но отметил: «Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди».

Помимо некоторого излишнего упрощения формы стиха, Д. Бедный иногда допускал в своем творчестве серьезные идейные ошибки. Упрощенно подходя к явлениям, он не сумел исторически правильно осмыслить прошлое русского народа. В стихотворении «Слезай с печки!» великий русский народ был изображен лежебокой, национально ограниченным, остановившимся в своем развитии. В искаженном виде предстали перед читателями и зрителями картины истории русского народа в тексте для оперы «Богатыри» (1936 г.). Поэт не понял исторически прогрессивного смысла таких фактов, как крещение Руси, и карикатурно изобразил русских богатырей, чьи образы, созданные народом, выражали народные представления о национальной доблести и мужестве.

Партийная печать со всей прямотой и резкостью указала Д. Бедному его грубые политические срывы; И. В. Сталин в письме, адресованном поэту, беспощадно и глубоко вскрыл идейную сущность этих срывов. Суровая и благотворная критика помогла поэту понять и преодолеть свои ошибки, глубоко продумать и осмыслить историю родного народа, с новой силой служить ему в период военных испытаний.

В годы Великой Отечественной войны Д. Бедный воспел великое мужество родного народа, с боевой страстностью заклеймил фашистских захватчиков в своих стихах и баснях. Твердая вера в непобедимость Родины звучала в его поэзии:

Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимою тысячелетней верой...

Гордая радость победы прозвучала в последнем стихотворении Демьяна Бедного, написанном им 9 мая 1945 года, за шестнадцать дней до смерти.

Советское правительство высоко оценило Демьяна Бедного как талантливого русского поэта-баснописца, боевое слово которого с честью служило делу социалистической революции.

* * *

Творческий путь замечательного пролетарского поэта, отдавшего все свое дарование неутомимому служению интересам народа, — это путь славный и глубоко поучительный.

Долг советских литературоведов — создать серьезные и глубокие исследования, которые дали бы всесторонний анализ своеобразного мастерства Демьяна Бедного, раскрыли бы глубокие и органические связи его поэзии с прогрессивной поэзией прошлого, помогли бы современным поэтам освоить поэтическое наследие публицистики и сатиры Демьяна Бедного.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

НА ПУТИ К САТИРИЧЕСКОЙ КОМЕДИИ

8 апреля состоялось заседание президиума правления Союза советских писателей СССР с активом московских писателей.

Заседание было посвящено вопросу о путях развития советской сатирической комедии, причем основой обсуждения этого вопроса явились пять новых пьес советских драматургов: «Гибель Помпеева» Н. Вирты, «Раки» С. Михалкова, «Аноним» С. Нариньяни, «Не называя фамилии» В. Минко и «Откровенный разговор» Л. Зорина.

С докладом выступил Е. СУРКОВ.

— Призыв партии к тому, чтобы в нашей литературе и особенно в нашей драматургии были возобновлены и продолжены высокие традиции сатирической литературы, связанные с именами Гоголя и Щедрина, привлек внимание драматургов к сатирическому жанру, — говорит **Е. Сурков**. — Однако то, что пока сделано в этом направлении, еще ни в коей мере не может нас удовлетворить, не дает возможности сказать, что задачи, поставленные партией, выполнены нашими писателями.

Каковы же требования, которые мы вправе предъявить сатирической драматургии, каковы опасности и ошибки, от которых следует предостеречь писателей на пути развития сатирического жанра?

В известном письме А. Безыменскому товарищ Сталин исчерпывающе ясно определил творческие принципы, которые должны лечь в основу советской сатирической литературы. Высоко оценив сатирические произведения А. Безыменского, И. В. Сталин указал: «Их пафос состоит в заострении вопроса на недостатках наших аппаратов и в глубокой вере в возможность исправления этих недостатков». В этой одной фразе заключена целая творческая программа развития советской сатирической литературы. Писатель должен не просто изображать, регистрировать недостатки, а заострять внимание на отрицательных явлениях, доводить их до концентрации, так, чтобы сущность их вскрывалась наиболее ярко; и в то же время необходимо добиться того, чтобы в пределах пьесы была ясна возможность преодоления этих недостатков, раскрыта перспектива революционного развития страны вперед по пути к коммунизму. Таковы задачи, стоящие перед нашими сатирическими писателями, таковы требования, которым должна удовлетворять советская сатирическая комедия.

Обращаясь к истории развития советской сатирической комедиографии, к серьезным творческим достижениям на этом пути — пьесам Маяковского, Безыменского, Леонова, Ромашова, Корнейчука, Софронова, — мы видим, что в этих произведениях борьба с отрицательными явлениями, с носителями враждебных, чуждых нам взглядов всегда связана с утверждением того здорового, жизнеспособного, положительного, что составляет силу нашего общества, является залогом нашего уверенного движения вперед.

Следовательно, нельзя говорить о развитии советской сатирической литературы, не поставив вопроса о том, в какой мере наши комедии, призванные разоблачать при помощи смеха отрицательные стороны действительности, в то же время через борьбу с этим отрицательным раскрывают великие творческие силы советского народа, могущество советского общественного строя.

Один из важнейших недостатков многих комедий состоит в том, что, широко прибегая к преувеличению комического, ярко разрабатывая отрицательные типы, авторы не умеют заостренно показать черты положительного героя. Нам довольно часто приходится встречаться в пьесах с интересно и выпукло зарисованными образами чиновников и проходимцев, клеветников и карьеристов, врагов скрытых и явных. Но в этих комедиях, где внимание зрителя приковывается к фигурам отрицательным, положительные фигуры проходят бледной тенью, не вызывая к себе сколько-нибудь серьезных симпатий зрителя. А ведь отношение автора к жизненному материалу, воспроизведенному в комедии, должно быть воплощено не в декларациях, не в том механическом заданном положении, которое ясно для зрителя сразу же, как он открывает первую страницу пьесы: что зло будет посрамлено, а добро восторжествует, — но в моральном поединке, в подлинно художественном сопоставлении, столкновении двух разных **социальных характеров**.

Рассмотрим с этой точки зрения комедию Н. Вирты «Гибель Помпеева». Н. Вирта собрал в характере героя всю серию родственных черт, определяющих тип Помпеева. Это не вызывает возражений, драматург здесь пытается продолжить гоголевскую традицию обобщения ряда отрицательных черт в один концентрированный образ. Но почему комедия не вызывает чувства доверия? Потому, что Н. Вирта не сумел художественно убедительно раскрыть взаимосвязь сатирического образа со всеми другими образами комедии. В комедии нет ни внутренней правды в обрисовке характера самого Помпеева, ни правды в обрисовке взаимоотношений Помпеева с людьми, которые противостоят ему в пьесе.

Авторская характеристика, как она дана в самом тексте Помпеева и репликах людей, которые оценивают его по ходу пьесы, не совпадает с положением Помпеева в жизни. О нем говорят, что он талантливый администратор, вывел область из прорыва, что он представляет несомненную силу. Значит, у Помпеева есть какие-то качества, которые определяют возможность его функционирования в жизни, делают борьбу с ним трудной. Но все это только декларируется. Вы не видите черт талантливого человека, опытного администратора, обладающего, пусть неверно направленной, но большой энергией, умением воздействовать на окружающих. Этого энергичного начала в характере Помпеева нет. Зритель обнаруживает в Помпееве лишь нагромождение вопиющих, причем совершенно обнаженных недостатков.

Если бы Н. Вирта показал формы, при помощи которых маскируется Помпеев, показал ту маску, которую он носит в интересах самосохранения, — драматург был бы ближе к жизненной правде. Но и этого мало. Н. Вирта должен был в соответствии с жизненной правдой показать людей, активно борющихся с Помпеевым. Сейчас же по пьесе разгуливает распоясавшийся наглец, откровенно демонстрирующий все свои пороки, а рядом с ним ходят честные люди, коммунисты, партийные работники, которые только и занимаются тем, что уговаривают Помпеева, пытаются воззвать к его здравому рассудку. Таков секретарь обкома Ломов; в пьесе оказывается, что он вроде главноуговаривающего при Помпееве. Он только ходит за ним и усовещевает его. А вот если бы Ломов оказался талантливее своего противника, если бы в его уста были вложены острые, яркие реплики, высмеивающие чванливого бюрократа, — все это подняло бы авторитет Ломова, его образ значительно бы вырос.

Наши драматурги часто допускают серьезную ошибку, когда они самое важное оружие жанра — оружие смеха — передоверяют только отрицательным персонажам, оставляя на долю положительных героев одни лишь скучные сентенции, уговоры, нравоучения. Самым дорогим своим даром — даром иронии, сарказма, шутки — автор, как правило, наделяет только отрицательные персонажи, лишая положительных персонажей возможности посмеяться вместе со зрителями над тем человеком, против которого они борются в пьесе.

Нельзя также, говорит докладчик, чтобы положительные персонажи не находились на главной линии действия, чтобы борьба положительных и отрицательных персонажей протекала где-то на периферии пьесы. Борьба только тогда оказывается активной и воздействующей на зрителя, когда положительный герой приходит к победе, преодолевая косные силы и утверждая свою правоту в **действии**.

В этой связи Е. Сурков критикует комедию В. Минко «Не называя фамилии», где положительный герой Максим мало проявляет себя в развитии основного морального конфликта пьесы.

Говоря о задачах беспощадного сатирического разоблачения, докладчик подробно останавливается на комедии С. Михалкова «Раки». Достоинства этой комедии очевидны. Она написана талантливо, ярко, метко вышучивает существующие в жизни отрицательные типы. Однако, несмотря на достоинства пьесы, мы все же испытываем ощущение неудовлетворенности от этой комедии, и вызывается оно тем, что Михалков не сумел развить собственную идею, тот жизненный материал, который был в его руках. Драматург ограничился самым общим, эскизным воплощением своего замысла; не развил глубоко тему «лопоуховщины» так, чтобы вся реальная общественно-политическая опасность ротозейства выпукло предстала перед зрителями. Комедия «Раки» к концу звучит все более и более благодушно и безмятежно весело. В первом акте Михалков был на подступах к решению своей темы: в прекрасных комедийных диалогах Лопоухова с Уклейкиным и Лопоухова с Ленским он сумел обозначить самое существо «лопоуховщины», как социального явления. Но уже во втором акте драматург бросил эту тему, не раскрыл образ многогранно, с разных его сторон. Начиная со второго акта, анекдот о находчивом проходимце заполняет все внимание зрителей, оттесняя другие идейные мотивы пьесы. А ведь Ленский не имеет самостоятельного значения: его образ интересен нам только потому, что через него должен был раскрыться Лопоухов, причем во всем своем нелепом уродстве и комизме.

Подлинно сатирическое раскрытие отрицательного характера невозможно без обнаружения закономерностей его возникновения, той почвы, на которой этот характер сложился. Сатирик должен бить общественное зло в самом его корне, поражать врага в самом существе его растленной морали.

Глубоко неправы поэтому те литераторы, которые, подобно драматургу С. Марвичу, думают, что вскрытие социального генезиса отрицательного явления невозможно в драматическом произведении.

В статье, опубликованной в газете «Советское искусство», С. Марвич писал: «Дурное считалось допустимым в пьесе лишь при одном непременном условии — если драматург даст подробнейшее обоснование появлению дурного, досконально покажет, откуда и как оно произошло, почему оно появилось в каждом отдельном случае, кто в этом виноват, кто прозевал появление дурного. Нечего и говорить о том, что такой придирчивый «генезис» крайне усложнял задачу правдивого изображения действительности, а порою делал эту задачу неразрешимой в строгих рамках драматургического произведения».

Все это глубоко неверно. Сатирическое искусство и начинается с того момента, когда художник выявляет генезис отрицательного явления, его корни, диалектику, когда писатель раскрывает отрицательные явления не только в его внешней видимости, но в его внутренних связях и соотношениях.

С этих позиций Е. Сурков критикует драматурга С. Нариньяни, который в пьесе «Аноним» не пытался даже поставить перед собой такую задачу.

В интересной комедии Л. Зорина «Откровенный разговор», говорит докладчик, самым слабым является также раскрытие истории возникновения и формирования характера карьериста Круглякова. Все, что относится к его прошлому, оставшемуся за пределами пьесы, к его прежним взаимоотношениям с коллективом института, — неясно и смутно. А из-за этой неясности неизбежно страдает изображение и самого коллектива.

Почти все появившиеся за последнее время пьесы сатирического жанра разоблачают отрицательные явления в быту. Драматурги еще не обратили оружия сатиры против наших политических врагов, не создали произведений, где был бы гневно воспроизведен образ врага, который уничтожался бы в самой своей основе силой грозного и могучего смеха.

***

После доклада развернулись оживленные прения, в ходе которых был затронут ряд существенных проблем сатирического жанра в советской драматургии.

Первым выступил в прениях **В. Пименов**. Напомнив о том, как настоятельно подчеркивалась в речах руководителей партии и в выступлениях партийной печати действенная сила сатиры в борьбе против всяческих недостатков, против враждебной идеологии и пережитков прошлого, В. Пименов говорит о том, что в области создания сатирических произведений для советской сцены сделано еще слишком мало.

По сути дела, ни одна из обсуждаемых пьес не может быть названа сатирической в действительном смысле этого слова. Речь может итти лишь о добрых намерениях авторов, но не о достигнутом ими результате. Особенно плохи положительные герои. Они принижены, неинтересны. Плох язык большинства пьес. Исключение в этом смысле составляет лишь пьеса С. Михалкова «Раки».

Слово предоставляется **Н. Кладо**. Он говорит об однотипности отрицательных героев, выводимых драматургами на сцену, о недостаточной остроте пьес и о слабости их разоблачительной силы.

Президиуму Союза писателей следует хотя бы раз в квартал обсуждать новые драматические произведения, так же, как обсуждаются выходящие номера журналов. Пристальное внимание руководства союза к работе драматургов поможет преодолеть затянувшееся отставание драматургии.

А. Софронов останавливается в своем выступлении на вопросе о соотношении положительного и отрицательного начал в советской сатирической комедии:

— С. Михалков написал свою пьесу без положительных героев. Поэтому внутреннего драматического конфликта в ней нет, — действующие лица этой пьесы замкнуты в своей среде, между ними конфликт невозможен, а их конфликт с действительностью показан приглушенно. Сатирический элемент в пьесе присутствует, но в очень слабой мере. Это не сатирическая комедия, а, если можно прибегнуть к такому определению, — сатирический водевиль.

Сильную сторону пьесы С. Михалкова А. Софронов видит в ее литературных достоинствах и прежде всего в ее хорошем, ясном языке.

— Русская классическая и советская драматургия, — говорит далее А. Софронов, — дает много примеров убедительного развития сценических характеров. Этого нет в обсуждаемых произведениях.

Задача нашей драматургии заключается не только в том, чтобы вывести для осмеяния ряд уродливых фигур; главная задача — это воспитание. А воспитание сможет принести свои результаты, если на сцене будут показаны характеры в их развитии, в борьбе, изменяющей судьбы и отрицательных героев, и положительных.

Исходя из этого критерия, А. Софронов разбирает пьесу Л. Зорина «Откровенный разговор»:

— Здесь есть наметка интересных образов — Машистова, молодых ученых Свиридова и Карцева, в известной степени Круглякова, может быть, Савина. По недостаток пьесы в том, что образы ее, несмотря на внешнюю характерность, лишены внутреннего характера. Все эти характеры — и положительные и отрицательные — не выковываются, не развиваются. Они лишены биографии. Круглякову сперва присуждают ученую степень, потом разоблачают, но поведение человека и его характер во всех обстоятельствах не изменяются. Савин же принадлежит к тем положительным героям, которые для разрешения вопроса куда-то уезжают, исчезают из поля зрения зрителя, решают вопрос за кулисами, а затем появляются с готовым результатом, поддерживая одну теорию и разоблачая другую. Зрителю остается все это принимать на веру, не имея возможности самостоятельно оценить события.

Наша драматургия будет приносить значительно больше пользы и станет более высокой по своим художественным качествам, если драматурги-сатирики сумеют соединить и подлинную сатирическую заостренность, и развитие характеров.

Выступает **В. Ермилов**. Он начинает с нескольких замечаний по теории сатиры:

— Наша сатира должна быть сатирой острой, гневной, бичующей. Ее оружие — грозный смех над всем, что мешает нашему движению вперед, к коммунизму, над всем прогнившим, омертвевшим, косным, фальшивым, чуждым нашему социалистическому обществу, народу. Было бы очень неправильно смазывать специфику сатиры, ее особенности. Между тем порою приходится сталкиваться с неверным представлением, что смех, собственно говоря, — не очень существенное условие для нашей сатиры. И, как это ни смешно, наметилась тенденция сатиры без смеха.

В статье В. Кирпотина «Сатира Щедрина и современность», напечатанной в январской книге журнала «Октябрь», такая «концепция» высказана. В. Кирпотин отрицает сатиру, как особый вид литературы, а специфику сатиры видит в наибольшей критической устремленности, наибольшей интенсивности в разоблачении зла.

Если такой критерий принять всерьез, то с этой точки зрения к сатире нужно отнести и «Воскресение» Л. Толстого с его острой критической устремленностью и непримиримостью в разоблачении зла, и «Анну Каренину», и такие явления, как, например, вся поэзия Лермонтова. Если говорить о советской литературе, — то разве те классические страницы «Поднятой целины», где разоблачается кулачье, не наполнены непримиримостью и «критической устремленностью» в разоблачении зла? А разве нельзя то же сказать в отношении «Молодой гвардии» А. Фадеева, где изображается весь мрак фашистской оккупации, вся подлость предателей Родины? Если это так, то получается, что положение с сатирой в нашей литературе весьма благополучное. Между тем XIX съезд партии со всей силой подчеркнул, что в нашей советской беллетристике, драматургии до сих пор отсутствуют такие виды художественных произведений, как сатира. Разумеется, сатирические элементы входят в произведения наших писателей. Однако отрицать на этом основании, как это делает В. Кирпотин в своей статье, что сатира является одним из важнейших видов литературы, отрицать специфику сатиры, — глубоко неправильно!

Тенденция сатиры без смеха присутствует не только в теории, но и в практике. А с другой стороны, наметилась и другая, столь же неверная тенденция: подменить сатиру развлекательной комедией, которая прикидывается комедией сатирической.

Ленин говорил в своем письме в редакцию «Правды»: «Без «гнева» писать о вредном — значит, скучно писать».

И одинаково вредны и скучны сатира без смеха и развлекательная комедия, которая о вредном говорит без гнева, подменяя высмеивание — вышучиванием.

Над этими вопросами следует думать. И следует также думать о наступательной силе нашей сатиры, о наступательной силе положительного героя, о наступательной силе смеха. И в этом смысле важна традиция гоголевского наступательного смеха, сатиры Щедрина, сатиры Маяковского.

Отрицательные герои в наших пьесах часто являются более волевыми, более активными, а положительные герои, противопоставленные им, оказываются серыми, посредственными, лишенными наступательной силы. А ведь специфика литературы социалистического реализма именно в том и заключается, что наша литература является наступательной силой, активно вторгающейся в жизнь. Наша сатира должна со всей остротой показывать вредоносную активность врага. Но если драматург забывает о «наступательных красках» для положительных персонажей, то этими красками целиком овладевают только одни отрицательные персонажи. Одна из причин неудачи пьесы «Аноним» С. Нариньяни заключается в том, что в этой комедии никто не ведет наступления на носителей зла. — Ни положительные герои, ни современная действительность. Недостаток же пьесы «Откровенный разговор» тот, что, при нескольких очень интересно и остро намеченных в ней характерах, пьеса лишена цельного, ясного действия, в котором эти характеры нашли бы свое выражение. Соотношение характера и действия — важная проблема, которую еще предстоит решать драматургам.

Слово получает **С. Михалков**. Он разделяет мнение критиков, что в комедии «Раки» ему не удалось достигнуть той сатирической заостренности и глубины, к которым он стремился.

— Драматурги, — говорит он, — ожидают действенной помощи от критиков; между тем теория советской сатирической комедии слишком мало еще разработана. Есть целый ряд нерешенных вопросов, связанных с работой над сатирическими пьесами, и у театров. Один режиссер, например, утверждает, что эти пьесы следует ставить так, чтобы было страшно; другой говорит, что ставить нужно так, чтобы было смешно. Все это — вопросы, обращенные к критике и еще не получившие ясного ответа.

В своем выступлении С. Михалков говорил о перестраховщиках, которые, шарахаясь от пьесы, покритикованной в печати за те или иные художественные недостатки, торопятся начисто зачеркнуть произведение.

После того, как «Правда» справедливо указала на некоторые недостатки комедии «Раки», газета «Брянский рабочий» в передовой статье уже безоговорочно обозвала эту пьесу... халтурой.

Следует отметить, что С. Михалков без излишней скромности стремился подчеркнуть в своем выступлении, что он принадлежит к «авангарду», прокладывающему пути советской сатирической комедии, и что «авангарду трудно».

Выступивший затем **В. Кожевников** справедливо упрекнул С. Михалкова в том, что он несколько торопится, сам причисляя себя к такому «авангарду». Правильнее, когда такие определения делает не сам писатель, а его читатели и зрители.

Как пример действенности и силы сатирической комедии В. Кожевников приводит «Фронт» А. Корнейчука — пьесу, появившуюся на трудном этапе Великой Отечественной войны и способствовавшую укреплению боеспособности нашей армии.

Важности сюжета, как основы сатирической комедии, посвятил свое выступление **Н. Тихонов**.

— Здесь приводилось много умных и хороших цитат, — сказал он, — и их число можно было бы еще увеличить. Я тоже хочу вспомнить Гоголя, но без всяких цитат.

Сюжет «Ревизора» дал Гоголю Пушкин. Он отдал другому писателю сюжет, который хранил для себя. Не ощути он такой талантливости Гоголя, такой его страсти к драматургическому делу, он бы ему этот сюжет не отдал, ибо у другого он превратился бы в маленький анекдот, а Гоголь сумел сделать из него великую комедию. Возьмись сам Пушкин написать пьесу на этот сюжет, комедия, вероятно, получилась бы совершенно иная — очень талантливая и даже, может быть, великая, но в другом разрезе и другого типа.

Нет в обсуждаемых пьесах большого сюжета, который способен все включить в себя — объять много разных событий и вовлечь в свое течение самых разных людей.

Сюжет — это не простая и далеко не формальная вещь, хотя чаще всего бывает именно так, что внешне самый простой, но точно найденный сюжет оказывается наиболее емким. С чего, например, начинается упомянутый В. Кожевниковым «Фронт»? Нужно сменить командующего, — он не годится для занимаемого им поста. Казалось бы, на первый взгляд, замкнутый, локальный сюжет — смена командующего. А посмотрите, какое множество разных людей и судеб притянул он у Корнейчука.

В сатирической комедии сюжетная основа должна быть особенно точной и емкой.

О конфликте в сатирической комедии говорит **Ю. Оснос**. Он отмечает, что многие драматурги не ищут конфликтов в жизни, а пытаются взять ходовые, известные конфликты, лишь кажущиеся типическими.

К. Симонов говорит о заострении образа в сочетании с жизненной правдивостью:

— Почему комедия Н. Вирты «Гибель Помпеева», как правильно говорил докладчик, вызывает ощущение неудовлетворенности, в ряде сцен производит впечатление неправдоподобия? Потому ли, что Помпеевых «не бывает» или по какой-нибудь другой причине? Нет, Помпеевы бывают. Слишком преувеличен, заострен этот образ? Нет, вполне можно было так преувеличить и заострить его и показать такого Помпеева во всем его цвету.

Но почему все-таки неправдоподобно?

Потому, что автор забыл об одной чрезвычайно важной и необходимой вещи: Помпеев не может существовать в нашем обществе так откровенно, как существует он у Вирты. Для того, чтобы быть Помпеевым, нужно быть человеком с «двойным дном», человеком в маске. Помпеев с одними людьми — один, с а другими — другой. Не будет Помпеев так разговаривать, как разговаривает он в пьесе со вторым секретарем обкома в своем служебном кабинете и в присутствии других людей. Да если секретарь обкома услышит все, что говорит Помпеев, то ведь это же сразу ставит Помпеева не только вне занимаемого им поста, но и вне партии.

А между тем могут быть в окружении Помпеева какие-то люди, перед которыми он открывает свое подлинное лицо, с которыми он будет разговаривать, называя вещи их собственными именами. Но Вирта не вывел на сцену таких людей, и это серьезная ошибка драматурга.

В «Гибели Помпеева», как и в некоторых других наших пьесах, негодяй совершенно изолирован от ему подобных. Поговорить ему не с кем. И драматург заставляет таких негодяев выворачивать свое нутро перед честными, хорошими людьми. А те, по воле автора, искусственно лишены возможности тут же распознать мерзавца и дать ему отпор, потому что это нарушит замыслы автора и не позволит продолжаться только что завязавшейся пьесе.

В своем выступлении К. Симонов коснулся также вопроса об определении жанра сатирической комедии:

— Пять обсуждаемых пьес создают такое ощущение, что драматурги начинают «натягивать» свои пьесы на сатиру. Можно предположить, что у драматурга зарождается сомнение: мол, если назвать пьесу комедией, то отнесутся ли к ней достаточно серьезно, станут ли ее обсуждать? А если назовешь «сатирой», — тогда другое дело: можно говорить, что мы, дескать, работаем в трудном жанре, «мы — авангард» и т. д.

Из всех обсуждаемых пьес только «Откровенный разговор» и «Гибель Помпеева» по самому заданию своему — пьесы сатирические. Но трудно отнести к сатирическим произведениям живо написанную и смешную комедию В. Минко «Не называя фамилии». И «Раки» С. Михалкова, конечно, — не сатира, а смешной, талантливый водевиль.

Говоря о важности создания сатирических комедий, следует в то же время не забывать и о том, что существуют и должны существовать также и другие виды комедии (где могут присутствовать и сатирические элементы) — и водевиль, и бытовая, и лирическая комедия. Многообразие жанров драматургии, — в том числе и жанров комедии, — нам необходимо.

С упрека в адрес докладчика начал свое выступление **А. Суров**.

— Из доклада мы так и не узнали, — сказал он, — что же такое сатирическая комедия, ибо ни одна из пяти пьес, которые рассматривал докладчик, не может быть сочтена за комедию сатирическую.

Надо сказать, что наша современная советская сатирическая комедия коренным образом, принципиально отличается от старой, дореволюционной. В самом деле, какую задачу ставил перед собою Гоголь, когда писал «Ревизора»? У драматурга была задача потрясти своей комедией основы государственного строя. А задачи советского драматурга, работающего над сатирической комедией, полярно противоположны: он стремится оградить государственный строй от всех, кто хочет его расшатать.

У нас сейчас идут споры: можно ли написать комедию с одними отрицательными типами? В. Ермилов утверждает, что можно. И это верно: можно. Но только при условии ясно показанного отношения автора к выведенным на сцену персонажам.

Высказав верные общие положения о жанре сатирической комедии, А. Суров перешел затем к разбору пьесы «Аноним» С. Нариньяни. Но вместо товарищеской критики серьезных ошибок этой пьесы он позволил себе ряд недопустимо грубых выпадов в адрес драматурга, вызвавших решительный протест собравшихся.

В заключение выступил **А. Фадеев**.

— Когда мы разбираем вопросы творчества, — сказал он, — мы говорим, что знание действительности — основа всего. Это, конечно, верно, но вместе с тем писатель может годы провести на производстве, досконально все изучить и — скучно об этом написать, ничего не вскрыть, ничему не научить. Так происходит, если автор не вкладывает в свое произведение всего себя. Если человек выезжает на место, собираясь заняться изучением какой-нибудь стороны жизни, он должен не «вообще смотреть», а искать нечто определенное, нужное ему и дорогое. Не вкладывая в работу все свои мысли, радости, страсти, писатель ничего не добьется ни в каком жанре. А в таком жанре, как сатира, отношение автора к теме и к персонажам — исключительно важно.

В чем пафос щедринской сатиры? Это прежде всего пафос сатирического гуманизма. Сознание того, что людям причиняется зло, что люди страдают из-за причины, которая должна быть устранена, — вызывает у писателя чувство гнева и тот особый, разящий, убивающий смех, который и отличает сатиру.

Если говорить о жанре сатирической комедии в том смысле, в каком говорилось о сатире на XIX съезде партии, то в этом жанре должны создаваться произведения высокого масштаба, гневные, вызванные к жизни страстным гуманистическим протестом против явлений, которые причиняют людям страдания.

Обличая людей типа Помпеева, Лопоухова, драматург обязан помнить, что эти люди в тех случаях, когда им удалось обманом пробраться к власти, стремятся на подведомственном им участке заполучить возможность грубо своевольничать, зажимать, даже запугивать. Такие люди действуют и тихой сапой, не брезгуют никакими приемами. Они могут быть страшны, если останутся нераскрытыми. И пьеса должна показывать эту опасность.

А что же получается в пьесе Н. Вирты? Почти сразу после появления Помпеева в действие вступает секретарь обкома партии и — тоже сразу — начинает понимать, что представляет собою Помпеев. Таким образом, никакого ощущения реальной опасности для зрителей не существует: они с первого момента твердо знают, что Помпеев будет побежден.

Тот же Н. Вирта, строя вместе с А. Файко либретто оперы «В бурю», написанное по мотивам его же романа «Одиночество», сумел добиться того, что зритель не может заранее предугадать, как будут развиваться судьбы героев. А в комедии «Гибель Помпеева» все решено с того момента, как секретарь обкома разгадал суть отрицательного героя, — тут уж нечего больше искать и решать.

В сатирической комедии должен быть не только показан противник: нужно показать, что его породило, на какие силы он опирается, кто из-за него страдает, кто против него борется. На сцене должно быть так, как порою бывает в жизни, когда возможный исход ясен далеко не сразу и когда порою является опасение: а вдруг негодяй обманет и улизнет?

В оперном либретто кулака и бандита Сторожева убивают, а ведь в романе «Одиночество» Сторожев спасается. Разве не может сюжет сатирической комедии строиться и так, что зло разоблачено, но не наказано, — что негодяй нашел ход, скрылся и завтра опять примется за свое? Ведь в жизни встречаются авантюристы, карьеристы, фальшивые люди, которым удается долго обманывать общественность.

Здесь был поднят вопрос о присутствии положительного героя в комедии, о методах разоблачения или саморазоблачения негодяя. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо верное понимание жанра и стиля. Скажем, «Гибель Помпеева» — реалистическая комедия, а образ Помпеева в ней, по жанровым признакам, эклектичен. «Выстрел» А. Безыменского — вещь гротескная. И когда докладчик говорил про образы положительных героев в этой вещи, то он требовал от автора невозможного: как же можно в гротескном стиле показать положительных персонажей? Ведь если их показать так остро, как этого требует жанр вещи и как, в соответствии с этим жанром, показаны другие персонажи, то положительные герои неизбежно превратятся в свою противоположность.

Если пьеса пишется, как гротеск, то драматургу только и остается вести своих отрицательных героев к саморазоблачению, как это происходит в «Ревизоре». Другого пути нет, — жанр не позволяет.

Есть немало примеров обратного нарушения законов жанра, и всегда зритель, воспитанный на стилевом единстве, испытывает неприятное ощущение, когда, например, в реалистическом кинофильме появляется условно гротескная фигура, будто силком пересаженная из совершенно чужеродного организма.

Сатирическое изображение может быть сделано не только при помощи заострения одной черты или двух черт, — способов преувеличения в литературе много. Это уже вопрос разнообразия формы, как именно лучше решить задачу, поставленную писателем перед самим собою. Избранный же способ требует единства. Если автор сатирического произведения решает свою задачу в реалистическом плане, когда сатира показывает людей многосторонне, то положительные персонажи для него обязательны. Если же он выбрал форму гротеска, то ввести положительный персонаж очень трудно.

И еще одно замечание. А. Софронов говорил в своем выступлении относительно того, что, мол, в каждой пьесе непременно должны быть развивающиеся характеры. Однако в сатире, где разоблачается зло, которое развилось уже до своего апогея и которому предстоит только пасть, — возможности для развития характеров не так велики. Конечно, и здесь все зависит от того, какой тип произведения избран драматургом. Если он захочет, он может показать, как его отрицательный персонаж «дошел до жизни такой», а если не захочет, то может все острие сатиры обратить на разоблачение, как это сделано в «Ревизоре», где развиваться уже нечему, — все дано на пределе развития.

Будем предъявлять к каждому произведению те требования, какие к нему могут быть предъявлены. Причем не нужно преувеличивать значение произведений, лучше выбирать определения поскромнее и вместе с тем не позволять, чтобы драматургам ломали ноги за комедии, в которых — сатиричны они или не сатиричны — все-таки высмеиваются и изобличаются действительные пороки. Нельзя допускать, чтобы отдельные упреки критики писателю служили основанием для того, чтобы сразу же зачислять писателя в разряд халтурщиков, как это сделал «Брянский рабочий» с С. Михалковым. Или еще пример: подверглась справедливой критике повесть Э. Казакевича «Сердце друга», и вот в «Вечерней Москве» появилась рецензия С. Иванова, где к этой повести уже подверстана и повесть «Звезда». В «Звезде» есть свои недостатки, которые можно критиковать, но эта вещь заслуженно вошла в фонд хороших произведений о Великой Отечественной войне. А тут — бац! — и нате: все зло, мол, началось еще со «Звезды». С подобными вредными для развития литературы перегибами в критике нужно решительно бороться.

***

Обсуждение творческих проблем сатирического жанра в драматургии на заседании президиума правления ССП показало активную заинтересованность писателей и критиков в том, чтобы у нас появились острые, идейно нацеленные, художественно убедительные сатирические пьесы.

Из обсуждения отчетливо явствует, как важно сейчас взяться за разработку теории сатирического жанра. При этом надо решительно избегать схоластики. Именно следствием схоластического представления о живом деле драматурга было выступление на дискуссии Ю. Осноса. Задача критиков, литературоведов и самих писателей состоит в том, чтобы ясно понять, что является объектом сатирической комедии и каковы художественные средства сатиры. В некоторых выступлениях на обсуждении, например, в речи В. Пименова, сказалось ошибочное мнение, будто сатирической комедией является всякая пьеса, среди действующих лиц которой есть заостренные отрицательные персонажи. Руководствуясь этим принципом, оратор неправомерно отнес к сатирическому жанру такую, например, пьесу, как «Далеко от Сталинграда» А. Сурова.

Большое внимание участников обсуждения привлек вопрос о соотношении положительных и отрицательных героев в сатирической комедии. Однако некоторые выступления показали, что в этом вопросе нет еще достаточной ясности. Утверждение идеалов советского общества, утверждение коммунистической морали может быть достигнуто не только усилиями положительных героев, но и отношением автора к тем отрицательным явлениям, которые он изображает. Показать крупно, ярко, гневно мерзость, вредоносность, убожество отрицательных явлений жизни, убить эти явления оружием смеха — это значит утвердить и прославить непобедимую силу идей и морали нашего общества.

Разрабатывать теоретические основы сатиры, смело браться за создание самых разнообразных сатирических комедий — такова важная задача писателей и критиков, продиктованная интересами народа, указанная советским литераторам Коммунистической партией.

Андрэ Стиль за тюремной решеткой. Снимок сделан 24 марта 1953 года.

Из французской газеты «Юманите».

Узник тюрьмы „Фрэн“

Как известно, по приказу французских властей арестован редактор газеты «Юманите» писатель Андрэ Стиль. После первого допроса его тотчас же переправили в тюрьму «Фрэн», где уже много месяцев томятся славные французские патриоты — генеральный секретарь Всеобщей конфедерации труда Ален Ле Леап и руководители Союза республиканской молодежи Франции Ги Дюколоне, Поль Лоран и Луи Байо.

Тюрьма «Фрэн» находится в небольшой коммуне департамента Сена, в 11 километрах от Парижа. «Повсюду вокруг горячее дыхание весны окрасило все в белые и розовые тона... Но чуть розовеющие персиковые деревья не могут скрыть от глаз вырисовывающееся в отдалении мрачное кирпичное здание, в котором каждое окно закрыто от мира решеткой. Это — тюрьма «Фрэн»,— так описывает место заключения Стиля газета «Юманите».

Андрэ Стиля поместили в грязную одиночную камеру в третьем отделении. «Третье отделение известно, как самое ужасное во всей тюрьме»,— указывает «Юманите».

Снова, как и летом прошлого года, французские правители бросили Андрэ Стиля в тюрьму... Французские судебные власти предъявили Андрэ Стилю стереотипное обвинение в «покушении на внешнюю безопасность государства».

На следующий день после ареста Стиля французское правительство опубликовало специальное коммюнике. В нем говорилось, что поводом для ареста послужило выступление Андрэ Стиля в Марселе 28 апреля 1952 года. Как указывает газета «Юманите», это была речь в защиту прогрессивной французской печати. Известно, что в прошлом году формальным поводом для ареста Стиля послужило опубликование в газете «Юманите» его статьи «Первый удар». Наряду с этим, когда Стиль находился в тюрьме, ему вменили в вину содержание речи, произнесенной им 28 апреля в Марселе. Но следственная палата парижского апелляционного суда освободила тогда Стиля, тем самым признав неосновательность мотивов ареста. Теперь французские правители вновь держат в тюремном заключении этого выдающегося прогрессивного деятеля.

Опровергая лживые утверждения, содержавшиеся в правительственном коммюнике, защитники Андрэ Стиля 28 марта опубликовали заявление. Они констатировали, что арест произведен «не в силу какой-либо причины, могущей служить законным основанием для предварительного заключения, а в силу причин конъюнктурного свойства, в частности, в день отъезда председателя Совета министров в Вашингтон».

Арест Андрэ Стиля, преследование демократических деятелей Франции вызвали негодование всех честных людей Франции. В стране происходят забастовки, митинги и демонстрации протеста. Большой митинг состоялся на заводе Рено в Париже. В знак протеста против новых репрессий рабочие временно прекратили работу. В Марселе на 24 часа была остановлена всякая работа на металлургических заводах. Тысячи трудящихся, собравшихся на митинг, единодушно потребовали немедленного освобождения заключенных патриотов. Их горячо поддержали докеры марсельского порта. В Нанте состоялся пятитысячный митинг. В департаментах Нор и Па-де-Кале бастовали шахтеры. Стихийная манифестация протеста вспыхнула на парижском вокзале Сен-Лазар. Несмотря на отчаянные попытки полицейских шпиков разогнать собравшихся, они громко провозглашали: «Фашизм не пройдет!»

Против ареста Андрэ Стиля подняли голос протеста многочисленные представители интеллигенции. Известный писатель Веркор заявил: «Это вызов общественному мнению!». Крупный ученый профессор Адамар сказал: «Еще одно покушение на свободу мысли и свободу слова! Когда же, наконец, остановятся на этом преступном пути?».

Одновременно с Андрэ Стилем были арестованы секретарь Всеобщей конфедерации труда Люсьен Молино и секретарь Объединения профсоюзов Парижского района Андрэ Толле. Под давлением общественного мнения следственная палата парижского апелляционного суда 2 апреля приняла решение об освобождении Андрэ Толле, а также редактора прогрессивной французской газеты «Авангард» Жана Менье, брошенного в тюрьму еще в октябре 1952 года. Таким образом, народная борьба за освобождение выдающихся прогрессивных деятелей Франции увенчалась первым успехом.

Французский народ, все честные люди мира требуют: «Свободу Андрэ Стилю!».

ТЕОДОР БЛАНК—РЕВАНШИСТ

М. КАРПОВИЧ

В последнее время не один член аденауэровского кабинета завистливо вздыхает и думает:

— Как быстро, чорт возьми, шагает этот Тео! Еще вчера, кажется, был он ничто, нуль. А нынче, поди-ка, куда махнул...

Да, Бланк «махнул», по боннским понятиям, действительно высоко. Это — фактический военный министр аденауэровского правительства. Тео Бланк возглавляет всю западногерманскую систему заготовки пушечного мяса. И даже его тайные завистники из партий боннской правительственной коалиции вынуждены относиться к нему с подчеркнутой любезностью. Как-никак, его усердие имеет в глазах магнатов Уолл-стрита и властелинов Рура особую цену. Глядя на одетого в штатский костюм Бланка, они вспоминают военный мундир генерала Секта, того самого Секта, которому после поражения кайзеровской Германии в первой мировой войне рурские бароны доверили организацию рейхсвера.

К тому же Теодор Бланк — своего рода демагогическая ширма для того антинародного реваншистского предприятия, которое официально называется правительством федеральной республики.

В самом деле. Едва заходит речь о том, что кабинет Аденауэра состоит из капиталистов, тесно связанных с крупнейшими промышленными фирмами и банками, как боннская клика возмущенно вопит:

— Позвольте, а Бланк?

Только начинают вспоминать бесчисленные факты лакейского служения нынешних «демократических» министров преступному гитлеровскому режиму, как вперед выталкивают опять-таки Теодора Бланка: он, мол, пострадал от нацизма.

Как ни дешева вся эта демагогия, но без нее Аденауэру пока не обойтись. Находится еще известное число легковерных людей, которых можно сбить с толку баснями о том, что некий член правительства в молодости имел на руках мозоли. В наш век (это понимают в Бонне) такая биография импонирует избирателям. И вот Бланка на все лады рекламируют, как некий символ «народности» глубоко антинародного правительства Конрада Аденауэра. Он все больше входит в моду. Его репутацию «истинного демократа» старательно поддерживают не только в рядах ХДС (партии, к которой он принадлежит). Комплименты Бланку угодливо расточает и верноподданническая социал-демократическая «оппозиция». Известно, что один из ее новых главарей — Фриц Эрлер,— выступая перед боннскими студентами, торжественно говорил «о своем друге Тео Бланке».

Бланк не остается в долгу. Он изо всех сил пыжится играть отведенную ему роль. Боннские режиссеры заботятся о том, чтобы он по забывчивости или недостатку актерского таланта не провалил постыдного фарса. И вот военный министр Аденауэра на каждом шагу фиглярничает своей «самобытностью», умиляющей продажных репортеров буржуазных газет. В отличие от других министров Бланк, например, разъезжает на «Мерседесе» устаревшей модели «170» (те предпочитают новейшую—«220»). Поразительная скромность! Его кабинет...

Но — довольно. Как видим, господин Бланк точно держится инструкции. Он со всеми в своем ведомстве обращается с грубоватой фамильярностью. В произношении сохраняет элементы простонародного диалекта—так легче подчеркнуть свое происхождение. Питает особое пристрастие к мебели и любит похвастать осведомленностью в сортах дерева. Пусть знают, что нынешний член боннского правительства когда-то понюхал в Бохуме ремесло столяра.

Вот каким выглядит Бланк в изображении буржуазных газет и журналов, так сказать, рекламный Бланк. Хорошо известно, однако, что буржуазная реклама, восхваляя того или иного угодного «государственного человека», действует по принципу: все наоборот. Стоит всерьез познакомиться с жизненным путем Бланка, чтобы отчетливо увидеть: с юных лет это — презренный ренегат, приказчик германских монополистов по обману трудящихся. Из всей официальной биографии нынешнего боннского военного министра достоверно только то, что он родился 19 сентября 1905 года в Эльце. Уже в юности Теодор Бланк быстро раскусил все выгоды, которые приносит близость к профсоюзным бонзам — предателям рабочего класса. В 25 лет, шагая все выше по лестнице профбюрократии, он был уже секретарем одного из «христианских» профсоюзов. В меру своих сил он проваливал забастовки, травил коммунистов и, усердно раскалывая рабочий класс, помогал прокладывать дорогу фашизму. Его услуги неплохо оплачивались монополистами.

Назойливая версия о том, будто Бланк «пострадал» от нацистов, также легко разбивается фактами. В самом деле, чем он занимался в кровавые годы гитлеровской диктатуры? Бланк преспокойно слушал лекции в Мюнстерском университете, на математическом факультете.

Когда Гитлер развязал агрессивную войну, верноподданный нацистского райха, недоучившийся математик Теодор Бланк мгновенно превращается в ревностного вояку гитлеровской армии убийц и грабителей. Он участвует в пресловутом «Дранг нах Остен» — походе на Восток. Бланк — обер-лейтенант, он получает «Железный крест». За что? Об этом в Бонне не принято говорить громко. Но честные люди знают цену гитлеровских отличий. На них — кровь невинных людей, пепел сожженных мирных жилищ.

Впрочем, хозяевам Бланка такие отличия внушают особое доверие. Недаром, едва вернувшись из плена в Западную Германию, Бланк сразу получил задачу крупного масштаба, требующую недюжинной подлости. Кавалеру «Железного креста» поручили взорвать изнутри, разложить, сделать соглашательским профсоюз горнорабочих. Безошибочно определив, откуда дует ветер, Бланк примкнул к партии реваншиста Аденауэра. С помощью интриг, усилиями промышленных воротил он занял руководящее место в правлении профсоюза. С тех пор среди сувениров нынешнего министра появилась медная шахтерская лампочка. Она стоит в его служебном кабинете и назойливо выдается за некий символ близости Бланка к рабочим. С шахтерской лампой соседствует изображение богоматери. Но горняки, которых предал Бланк, не верят ни его демагогическим маневрам, ни его поддельной и потому омерзительной набожности.

В Бланке многое напоминает тех продажных лидеров рабочего класса Англии, о которых И. В. Сталин говорил еще в 1926 году:

«Это — такие лидеры рабочего класса, которых ослепил блеск капитализма, которых подавило могущество капитала и которые мечтают о том, чтобы «выйти в люди» и сомкнуться с «людьми с достатком».

Бланк определенно «вышел в люди». Он даже обогнал многих из своих коллег — профсоюзных бонз. Его бизнес крупнее. Он поставляет монополиям уже не просто дешевую силу. Он заготовляет для них кровь.

Вот уже более двух лет — с 1 декабря 1950 года — Бланк возглавляет зловещее учреждение, до сих пор туманно именуемое «федеральным ведомством безопасности».

Резиденция Бланка — мрачное кирпичное здание на Эрмелькейльштрассе. Оно обнесено колючей проволокой. На окнах — железные решетки. Здесь сейчас разрабатываются детали так называемого западногерманского «вклада в оборону Европы». Кое-какие из этих деталей стали достоянием печати. Нет сомнений в том, что опубликованные сведения — лишь бледная тень реваншистских замыслов, которые вынашиваются аденауэровской кликой и рурскими магнатами.

Еще в конце прошлого года гамбургский журнал «Дер шпигель», посвятивший Бланку пространную статью под заголовком «Самый твердый череп в Бонне», писал, что «планы блестящей армии федеральной Германии уже готовы. На бумаге новая немецкая армия уже полностью сформирована и оснащена. Когда в парламентах, наконец, дадут сигнал к действиям, Тео Бланк и его офицеры в течение одного года смогут вымуштровать в казармах первых рекрутов».

Теодор Бланк (слева), фактический военный министр боннского «правительства», на маневрах американских войск в Западной Германии

Нетрудно представить себе, как ликовали обитатели зловещего здания на Эрмелькейльштрассе, когда 19 марта раздался, наконец, «сигнал к действиям». В этот день бундестаг ратифицировал боннский и парижский договоры, легализующие возрождение вермахта. Шведская газета «Стокгольмс тиднинген» заметила по этому случаю, что «Теодор Бланк уже может нажать на все кнопки».

По оценке того же журнала «Дер шпигель», численность и оснащенность восстанавливаемого вермахта будут уже в мирное время выглядеть так: в сухопутных войсках — 360 тысяч человек; в военно-воздушных силах — 80 тысяч человек; в военно-морском флоте —18 тысяч человек. 1.300 самолетов тактической авиации будут управляться западногерманскими летчиками. Из 12 дивизий (в 1954 году) 6 должны быть пехотными, 4 — танковыми, 2 — моторизованными. В каждой танковой дивизии — по 280 танков, вдвое больше, чем насчитывали в свое время дивизии Гудериана.

Но это, как говорится, лишь первая ласточка. Бланк, который вследствие родства душ любит откровенничать с самыми махровыми реваншистами, рассказал корреспонденту «Дейче зольдатен цейтунг», что его командные кадры готовятся в следующем количестве: генералов—40, полковников — 250, подполковников — 900, майоров — 2.000, капитанов — 6.300, старших лейтенантов и лейтенантов — 12.300.

Для каких же целей требуется такая прорва офицерства? Ответ прост. От 12 дивизий перейти возможно скорее к 30, затем к 60. Бланк считает, что для этого не жаль израсходовать в течение десяти лет 200 миллиардов марок. Недаром Аденауэр, находящийся сейчас в США, заявил в Национальном клубе печати, что Западная Германия готова сделать «самый полный вклад» в «Европейское оборонительное сообщество».

Что такая программа окончательно возмутит французов,— плевать! Да, плевать, ибо в создании «европейской армии» заинтересованы США. Ведь писала же «Нью-Йорк таймс» 4 января этого года, без ложной скромности отмечая заслуги США в планах формирования боннской армии: «Это будет внушительная сила. Она далеко превосходит «боевые группы» по 6 тысяч человек, о которых французы говорили приблизительно 18 месяцев тому назад. Она представляет собой победу американского стратегического планирования над французскими политическими опасениями».

Победа эта, как мы знаем, весьма условна. Сопротивление германского народа политике ремилитаризации усиливается. Все честные немцы рассматривают решение бундестага о ратификации боннского и парижского договоров, как акт насилия над их волей. Растет сопротивление французского, английского и других европейских народов воссозданию вермахта. Нет, не так-то легко будет «нажимать на все кнопки» Теодору Бланку!

Кто же стоит у бронированной колыбели новых западногерманских дивизий? Факты показывают, что создание боннской армии поручено отборным нацистским убийцам, злейшим врагам мира и демократии.

Газета «Берлинер цейтунг» недавно подсчитала, что в ведомстве Бланка работают 77 бывших гитлеровских генштабистов и 23 высших офицера нацистского вермахта. Здесь задают тон такие матерые милитаристы, как бывший начальник штаба Роммеля генерал Шпейдель, бывший начальник оперативного отдела гитлеровской армии генерал Хойзингер, генералы Зейдель, Венк, Ферч, Детлевзен, графы Шверин, Кильманзег и другие. Предпочтение отдается лицам, имеющим «восточный опыт», т. е. воевавшим против Советского Союза. Таков, например, генерал Зейдель. Он служил в пресловутой армейской группе «Б», осуществлявшей на Украине тактику «выжженной земли». Таковы и другие ближайшие сотрудники Бланка.

Он не затрудняет себя, как признается сам, «копанием» в нацистском прошлом будущих ротных, батальонных, полковых и дивизионных командиров. Наоборот: чем больше злодеяний на их совести,—тем выше им цена. Не так давно Бланк с особым удовольствием отметил в одном интервью, что незаконное освобождение западными властями более 3 тысяч нацистских военных преступников — желанный подарок его ведомству. Среди этих висельников он подбирает свои самые надежные кадры. В Бонне начал действовать «комитет по отбору», созданный Бланком. Во главе этого комитета стоит бывший генерал-лейтенант гитлеровской армии Кунце, в прошлом сотрудник отдела кадров нацистского вермахта. Уже найдены подходящие кандидаты на руководящие посты западногерманской армии. В качестве главнокомандующего западногерманскими войсками намечается бывший командующий африканским корпусом генерал-лейтенант танковых войск Людвиг Крювель. На должность корпусных командиров предполагается назначить генерала танковых войск Хассо фон Мантейфеля, генерала графа Шверина, генерала Детлевзена.

Чтобы как-то завуалировать все эти зловещие связи, в Бонне пустили слух, будто Бланк хочет влить в армию новое содержание, демократизировать ее, выветрить прусский дух. Слух раздували столь усердно, что кое-где перепугались.

В Бонне поспешили рассеять недоразумение. Бланк тут же сформулировал принципы воинского воспитания, которых придерживается он сам. Это та же система прусской палочной дисциплины, насаждения зверских инстинктов, «без всяких уступок демократии», как цинично заметил инспектор боннских пограничных войск генерал Матцки.

Так был сброшен еще один фиговый листок.

Кровавым призраком вновь поднимается над Европой военная машина Западной Германии. Ее фашистский, агрессивный характер не вызывает сомнений ни у одного здравомыслящего человека. Ее девиз — истерический вой боннского статс-секретаря Хальштейна: «Вперед, на Урал!».

Однако, как ни ласкает этот воинственный бред слух западноевропейской буржуазии,—в Париже, Брюсселе, Гааге, даже в Лондоне к нему относятся со смешанным чувством. Припоминают, что Гитлер тоже угрожал Востоку, но начал-то все-таки с Запада. А что, ежели и сейчас западногерманские дивизии, о легализации которых так печется компания Аденауэр — Бланк, повторят такой же маневр?

Дабы рассеять подозрения, боннские реваншисты опять указуют на идиллическую мягкую шляпу и штатское пальто Теодора Бланка. Ну, может ли такой джентльмен и демократ замышлять что-либо дурное против западных соседей?

Милитарист Бланк ухмыляется, слыша это. Он повторяет остроту одного из своих чиновников, который как-то предвестил ему большую карьеру.

— Наш шеф,— сказал этот чиновник,— напоминает мне другого человека с профсоюзным прошлым. Тот тоже одевался в гражданский костюм, но его сабля наносила беспощадные удары.

Так Теодора Бланка сравнили с Густавом Носке. Бланк считает, что ему польстили. Люди доброй воли в Германии, наоборот, считают, что такое сравнение равносильно пощечине. В истории Германии правый социал-демократ, военный министр правительства Шейдемана Густав Носке — одна из подлейших фигур. Он повинен в гибели многих восставших в Киле матросов, в расправе со спартаковцами, в злодейском убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Немецкие рабочие по заслугам заклеймили его позорным прозвищем «кровавая собака». Зато германские монополисты боготворили социал-предателя Густава Носке. В критические для них годы он сколотил ударные отряды милитаристов и обрушил их на революционных рабочих.

Нынешний Носке в боннском правительстве целит, однако, выше. Он спит и видит, как взлелеянное им механизированное чудовище, возрождаемое под вывеской «европейской армии», вновь прольет кровь народов Европы, миллионами трупов устилая дорогу к созданию фашистского четвертого «райха».

Во имя этого, если отбросить все лживые увертки, собственно говоря, и трудится ныне господин Бланк, реваншист Бланк, заслуживший презрение всех истинных сторонников мира.

Международная почта

ОСЛИНЫЕ УШИ

Летом прошлого года во втором округе департамента Сена (Париж и его пригороды) состоялись частичные выборы в Национальное собрание. Несмотря на массовые аресты, обыски и репрессии против компартии и других демократических организаций, предпринятые по приказу префекта парижской полиции правого социалиста Бейло, победу на выборах одержали коммунисты.

Спустя несколько дней французский художник Мительберг опубликовал в газете «Юманите» карикатуру, в которой высмеял провал право-социалистского префекта. С понурым, виноватым видом стоит Бейло перед неким иностранным генералом, который говорит ему: «Мне не с чем вас поздравить!» Карикатурист украсил голову префекта Бейло шапкой с ослиными ушами, какие надевают во французских школах нерадивым ученикам, позорно провалившимся на экзамене.

— Мне не с чем вас поздравить!

Рисунок (а вернее сказать, ослиные уши) привел в ярость префекта полиции, и он подал в суд на художника Мительберга. Недавно состоялось судебное разбирательство. Большинство присутствовавших в зале суда открыто выражало свои симпатии «обвиняемому». Свидетель защиты Франсис Журдэн сказал, что его глубоко волнует тот факт, что на родине Рабле возможны подобные гонения на сатиру. Известный карикатурист Жан Эффель закончил свою речь следующей язвительной фразой: «Что касается меня, то я скорее предпочел бы, чтобы меня назвали ослом, чем полицейским!»

Адвокат Брюгье, выступая, ясно определил суть дела: «Речь идет не о том, чтобы выяснить, является ли господин Бейло ослом или не является, а о том, чтобы установить, может ли карикатурист делать свое профессиональное дело».

Французская реакция злобно преследует демократические газеты и сотрудничающих в них журналистов и художников за смелое разоблачение антинародной политики властей. И хотя члены суда, разбиравшие это дело, не могли удержаться от иронических улыбок по адресу Бейло, они тем не менее не осмелились ослушаться приказа. Суд наложил штраф в размере 15 тысяч франков на художника Мительберга и такой же штраф — на газету «Юманите».

«Это новое покушение на свободу печати, которое вызовет возмущение всех республиканцев»,— писала по окончании комедии суда «Юманите». А художник Мительберг в следующем номере газеты ответил префекту полиции новой карикатурой под заголовком—**«К вопросу о шапке с ослиными ушами. (Продолжение)»**: осел поздравляет самодовольно улыбающегося Бейло с одержанной им «юридической победой»...

«К ВОПРОСУ О ШАПКЕ С ОСЛИНЫМИ УШАМИ

(Продолжение)»

— Поздравляю вас!

Рисунки художника Мительберга из французской газеты «Юманите».

ТЕРРОР В КОЛУМБИИ

Вот уже пять лет Колумбия — латино-американская республика с 11-миллионным населением, страна богатых плантаторов, промышленников и нищего, разоренного народа — находится во власти откровенно фашистской клики — партии консерваторов. О лидере этой партии, нынешнем президенте Колумбии Лауреано Гомесе, американский журнал «Нэйшн» писал, что он «перенял идеи и методы франкистской Испании».

Истинный смысл этой фразы раскрыл недавно один из колумбийских профсоюзных лидеров, приехавший в Мексику на межамериканский съезд профсоюзов горняков и металлистов. Его рассказ опубликовала американская газета «Дейли уоркер».

В Колумбии свирепствует кровавый террор. Начиная с 1948 года, когда был убит лидер либеральной партии Гайтан, в стране истреблено 150.000 человек. Целые деревни вместе с жителями стерты с лица земли. Само правительство признает, что в тюрьмах томятся 50.000 человек, 80 процентов которых — политические заключенные.

Правительство консерваторов ликвидировало все гражданские права колумбийского народа. Пять лет не отменяется осадное положение. Печать подвергается строгой цензуре. Собрания рабочих и крестьянских организаций не допускаются. Львиная доля бюджета уходит на «поддержание внутреннего порядка», на содержание полиции и армии. Колумбия — единственная в Латинской Америке страна, пославшая войска в Корею.

Колумбийский профсоюзный лидер сообщил также о растущей в стране народной борьбе против угнетателей.

«Партизанская армия в Колумбии,— заявил он,— насчитывает от 15 до 20 тысяч человек... В ее состав входят люди различных политических убеждений, начиная от коммунистов и кончая бывшими сторонниками диктатора Гомеса, которые не могут больше терпеть произвола. Среди партизан много крестьян, ушедших в горы, чтобы избежать кровавых карательных экспедиций, а также солдат, которые отказались отправиться в Корею и дезертировали, забрав с собой оружие»... Крестьяне и рабочие оказывают значительную поддержку партизанам.

Власти арестовали в конце февраля этого года в Боготе секретаря Коммунистической партии Колумбии Хильберто Виэйра и предали его суду военного трибунала по обвинению в руководстве партизанами, действующими в различных районах страны. Прогрессивные круги всей Латинской Америки, опасающиеся за жизнь Виэйра, требуют его освобождения из-под ареста и прекращения террора в Колумбии.

„ИДЕИ“ МИСТЕРА МАРКЕТА

Мистер Маркет — профессор из Бостона. За океаном его почитают крупным специалистом по рекламе. Видимо, поэтому мистер считает себя вправе давать руководящие советы «невежественным туземцам» Западной Европы.

Узнав, что в Западной Германии прогорают театры, специалист по рекламе всполошился. У жителей «боннской республики» нет денег на развлечения? Не хватает средств даже на пропитание? Чепуха! Просто там не умеют делать бизнес. Нужны идеи для того, чтобы извлечь деньги у населения.

И вот недавно, как сообщает немецкий журнал «Нейе берлинер иллюстрирте», директора западногерманских театров получили от Маркета послания. Он рекомендует отбросить устаревшие и ничего, с его точки зрения, не говорящие названия классических опер и заменить их «современными названиями». Вот как выглядят его предложения:

Старое название	Новое название
«Травиата»	«Любовь не умирает от кашля»
«Вильгельм Телль»	«Выстрел в пустынном переулке»
«Орлеанская дева»	«Жанна в военной форме»
«Фауст»	«Маргарита и торговец душами»
«Ромео и Джульетта»	«Мировой рекорд любви»
«Аида»	«Триумф любви в тени пирамид»
«Риголетто»	«Труп в мешке»
«Кармен»	«Любовница тореадора»
«Лоэнгрин»	«Тайна лебединого корабля»
«Отелло»	«Месть черной руки»
«Пер Гюнт»	«Пер, где ты?»

Таков очередной рекорд издевательского отношения к классическому наследию, рекорд, поставленный «профессором» из Бостона.

Смесь

Гибкость языка. Французская газета «Юманите» опубликовала письмо читателя Адриена Г. из города Арль (департамент Буш-дю-Рон). Он пишет: «...Перелистывая толковый словарь французского языка Кийе, изданный в трех томах, я остановился на странице 1712, на слове «руссифицировать». Кийе дает следующее определение этого понятия: «насильственно навязать русские нравы». Повинуясь вполне естественному побуждению, я захотел посмотреть, как раскрывается смысл слова «американизировать». И вот что я прочитал: «придать американский характер, американизироваться — усвоить американские нравы»...

В заключение автор письма иронически замечает: «Я нахожу, что французский язык весьма хитроумен». Правильнее было бы отметить поразительную гибкость языка составителей этого словаря.

Пропаганда суеверия. Недавно английское телевидение преподнесло своим зрителям программу, «не предназначенную для особо впечатлительных лиц». Передача велась из виллы Холл Плэйс близ Лондона, построенной около 600 лет назад. Зрителям были продемонстрированы духи и привидения, якобы обитающие в этой вилле. На экране появилась легендарная «дама в сером», которая, подобно лунатику, медленно двигалась по мрачным коридорам под душераздирающие стоны и крики; ее сменил призрак, несший свою голову в руках; затем были показаны другие ужасы...

Наглядный пример того, как телевидение используется для распространения суеверия.

Самоучители для гангстеров. Чем заполнены сейчас книжные магазины Дании? Ответ на этот вопрос мы находим в датском журнале «Ден данске реальсколе», опубликовавшем весьма показательный список книг, выставленных для продажи в двух взятых наугад киосках Копенгагена. Вот их названия: «Труп следует по пятам», «Основание для убийства», «Лабиринт смерти», «Мертвые девушки не болтают», «Убийца умер на рассвете», «Кровавый кошмар», «Труп, да не тот», «Под сенью смерти», «Окровавленные ножницы», «Там, где труп, там и надежда», «Госпиталь смерти», «Гроб для меня», «Убийство не ради потехи», «Смерть куклы»...

Не трудно догадаться, что «кровавый кошмар», царящий в датском книгоиздательском деле, — импортного происхождения.

Пушки взамен оперы. Греческое монархо-фашистское правительство решило, по сообщению агентства Франс Пресс, закрыть оперный театр в Афинах из соображений экономии. Одновременно принято и другое решение — о новом увеличении военных расходов, хотя они и без того составляют больше половины государственного бюджета.

В Италии сейчас насчитывается более двух миллионов полностью безработных и еще больше — частично безработных. Подавляющая часть их обречена на голодное существование. На этом фотоснимке запечатлена типичная картина — на одной из улиц Неаполя человек упал в обморок из-за систематического недоедания.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б00832.